

18+

Анатолий Ялов

Попутный лифт

Анатолий Ялов
Попутный лифт

«Издательские решения»

Ялов А.

Попутный лифт / А. Ялов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-601210-3

На страницах книги развёртывается история Павла Николаевича Фомина, психотерапевта и потомка баскских кочевников, а ныне исконного жителя Нижнего Вяземска. Повествователь — профессор психологии Пётр Арепин. Попытка провести параллели между ними неизбежно приведёт к пародированию автобиографического жанра. Арепин тщательно стремится избегать непосредственной встречи. Задача рассказчика осложняется по мере того, как Фомин дрейфует в сторону творчества и выпускает крылатого единорога из клетки.

ISBN 978-5-00-601210-3

© Ялов А.

© Издательские решения

Содержание

ПОПУТНЫЙ ЛИФТ	6
Глава первая	15
Глава вторая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Попутный лифт

Анатолий Ялов

*Благодарю всех людей,
чьи рассказы сделали эту книгу возможной*

© Анатолий Ялов, 2023

ISBN 978-5-0060-1210-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОПУТНЫЙ ЛИФТ

Пролог

Я уже изрядно по привычке к своей квартире за те два года, что минули после моей персональной, односторонней революции. Через широкое окно столовой, сквозь уходящую серую поволоку, уже прореженную прячущимся за углом соседнего дома солнцем, первым обозначился бестолковый лабиринт детской игровой площадки. Легко додумываю скорую яркость, красные, жёлтые, синие крыши-купола теремов, ступеньки ведущих к ним лестниц, отполированные поколениями детских ног, мелькающими с дрозофильей скоростью. Неподвижные карусели – компас не размагниченный, а заброшенный на другую планету. Всё ещё пейзаж, а не предстоящая батальная сцена, когда маленькие дети с избирательной памятью, посвящённой данным им обещаниям, выведут сюда своих мам или бабушек. (Мужские фигуры возможны так же, как вполне возможна январская оттепельная слякоть, которая по привычке всё ещё считается аномалией. Хотя, если откровенно, редкие факты таковых фигур следует считать мутациями с сомнительной наследственной ценностью.) Взрослые, одержимые свободными от дискуссий идеями о пользе движения и свежего воздуха, скоро доедут омлет или кашу, допьют свой кофе или чай и приведут сюда своих чад, обёрнутых в тепло и потому похожих на коконы бабочек. Кто признается, что сюда влечёт стремление показать и утвердить себя в болтовне с другими мамашками? Ещё меньше желающих посмотреть на данный ритуал выгула, одобренный всего лишь какими-то несколькими десятилетиями, как на сделку с сомнительной выгодой: дети обеспечиваются развлечениями, а взамен облегчают задачу сопротивления их неукротимым исследовательским позывам. Вслушайтесь, как журчит прохладный ручеёк в песчаном солнцепёке пустыни: безопасное исследование! Детки, пристроенные к рассчитанному с умыслом «беличьему колесу», дают взрослым передышку, поменьше досаждают им необходимостью понимать изнанку их желаний и страхов. А ещё – на N процентов ускоряется мифический «рост»! Рост: «увеличение организма или отдельных органов в процессе развития».

Затяжной и неопределённый рассвет короткого зимнего дня в Петербурге. Однако, время совсем не раннее: парковки перед соседним бизнес-центром уже заполнились остывающими автомобилями. Сегодня собирались материализоваться преимущества преподавательской профессии. В зависимости от расписания она позволяет мне провести день вне разомкнутых сот университетских учебных аудиторий, бессовестно намекающих на мёд. Бесценная роскошь медлительности, утренний кофе с молоком, самодовольный взгляд на кухонный интерьер, белый с золотом, почему-то называемый итальянским. На стене – репродукция из национального музея Стокгольма, где Ханной Паули, отнюдь не итальянкой, всё той же солнечной позолотой круглосуточно подсвечены приготовления к завтраку.

Привычным маршрутом, через кратер в кухонной мойке, который самым доступным и наикратчайшим способом соединяет всех заинтересованных с Аидом, кофейная гуща вместе с отвергнутым прорицанием на ней отправлена навстречу новым воплощениям; никакой сентиментальности и стенаний: прочь воспоминания о метаморфозе стёсанных дотемна окатышей зёрен, исполненном обещании и легковесном обаянии конусовидной горки смолотого густо-коричневого порошка. Цитата: «справедливость и использование – удел меланхоликов». Источник забыт: то ли классная руководительница в моей московской школе, то ли актёрская фраза из американского вестерна с индейцами и ковбоями.

На рабочем столе лежит первый черновик или, вернее, развёрнутые тезисы статьи, заказанной научным журналом. В первом перерыве после доклада на недавней конференции ко мне подошёл присутствовавший там главный редактор журнала и предложил превратить доклад

в статью. Я согласился, и на то были две причины. Во-первых, посыл моего доклада был совершенно новым. Ожидание новизны, как и требование её – ни что иное, как рикошет юношеского, романтического представления о науке. То, что правильно, не всегда практично, но мне хотелось сопротивляться признанию могущества всеобщей энтропии, цепляться за взгляд, изобретённый в отрочестве (ладно, присвоенный мною) и наслаждаться принадлежностью к бестелесной фронде. Во-вторых, не имело значения то, что инициатива статьи принадлежала не мне. Кажущаяся надменность отказа – это не самое приятное, но и не то, что могло остановить. Арктика и Антарктика отказа и согласия находились на рукотворной грядке, возделываемой на не самой уютной планете, вращающейся в системе моих смыслов. (Говорю, как думаю, думаю, как говорю!)

Поэтому, вышесказанным может быть оправдана, обоснована та строгая последовательность, в которой я водружал себя на недовольный стул, нажатием на кнопку запускал унылый вздох компьютера и неделикатно расталкивал по столу подготовленные по старинке книги.

Зазвучавший телефонный звонок никак не мог повредить хрупкие кристаллы моей концентрации на статье по причине их отсутствия. Даже контуры её не наметились посреди благостной немоты, растёкшейся обширной кляксой. Так мороз, внезапно вернувшийся весной, не опасен для древесных почек, припоздавших с набуханием. (То, чему я обучен, требует поставить вопрос: правда ли это?)

Звона, собственно, в звонке и не было; вместо него – архаичная мелодия, сохранившаяся с эпохи, когда звук возникал в результате ударов металлического молоточка по столь же металлической круглой чаше. Звук из эпохи, когда мелодии звонка телефонного и дверного немногим отличались. Времена, когда мамонты и птеродактили предположительно вымерли, но ещё не заняли своего места в палеонтологических музеях. В отличие от сохранившейся в домашнем музее печатной машинки моей матери, ещё не распластанной, т.е. ещё не готовой к припрятыванию между культурными пластами. Времена, когда легкомыслию адюльтеров потворствовала всё ещё не изобретённая сотовая связь. А люди были ещё достаточно умны, чтобы самостоятельно догадаться и принять решение насчёт обратного звонка: не дожидаясь подсказки «перезвоните» на экране смартфона.

– Слушаю.

– Добрый день, это Ольга Арепина. – Женский голос из динамика «трубки». Помеха? Приключение? Угроза? Просьба о помощи? Ошибка?.. Бывают ли ошибки?

«Ольга» прозвучало как «Олька»; смесь неуверенности и отрешённости приготовленного заранее текста:

– Я жена... Хотя, какая я жена... Я вдова Пети. Петра Арепина...

Естественным следствием незавершённого пробуждения была определённая вегетативная пауза с этой стороны телефона, с этой стороны моего состояния. Собеседница ожидала реакции, и та развернулась поспешным подснежником:

– Да, Ольга, здравствуйте! – Сколько времени: измерение, дистанция, проверка, распознавание. И автономный процесс:

– Я вас слушаю.

Время достаточное, чтобы подняться и спуститься по шаткой стремянке в дальнем закоулке хранилища архивных рукописей.

Мои воспоминания об Ольге отрывочные, в мелких расфасовках. При каких обстоятельствах Петя с ней познакомился я то ли не помню, то ли и не знал. Студентка института железнодорожного транспорта, куда девушки поступали совсем не часто. Как-то, под влиянием одного из многочисленных заимствованных стереотипов, я спросил её в мимолётной беседе о причинах выбора. Ответ был не очень внятным, но я узнал, что железнодорожников в роду не было. Другое воспоминание – про покидание ею квартиры, где проходила студенческая пирушка, через окно, пусть и первого этажа. Пирушка – слово, которым тогда пользовались. Жаренная

картошка с жаренной же колбасой. Это большой вопрос, что было главным для голодных студентов, живущих вдали от родительского дома – общение или питание? А вот другая картинка: её вызывающая стрижка «наголо» запомнилась потому, что в восемьдесят третьем году такая экстравагантность в среде научной интеллигенции, к которой в результате лихой экстраполяции можно причислить и студенчество, была не принята. Лично я впервые в жизни увидел выбритую до черепа женскую голову. И, кстати, был удивлён, что красота может проявляться и в форме черепа. Зримые мною в достатке бритые мужские головы такого впечатления не производили.

Годом ранее; Петя Арепин на первом курсе университета. Волосы спускаются к плечам и слегка, совсем немного, вьются. Не знаю, была ли подобная причёска чем-то примечательна для студентов театральных вузов, но Петя был единственным обладателем таковой среди студентов-естественников, коими мы, будущие психологи, себя считали. Такая антично-львиная грива требовала ухода и нерядового парикмахера с вытекающими из этого финансовыми последствиями. Петина декларация об исключительности дополнялась книжным томом, который перемещался по коридорам от одной лекции к другой, будучи непременно заключённым под мышкой. Наступала пора, когда книги менялись, но их авторами столь же непременно являлись писатели не то, чтоб запрещённые, вроде Солженицына, но только те, произведения которых в библиотеках достать (так мы тогда говорили) было очень затруднительно; на общих основаниях – практически невозможно. Не требовалось особой проницательности, чтобы сообразить, что столь тщательно выписанный образ на подготовленном холсте предназначен совсем не для того, чтобы украшать затворнический интерьер. Нет, напротив, он эффективно пробуждал, высвобождал должные чувства. Его эманации – «На таинственном озере Чад посреди вековых баобабов...» – достигали назначенных окрестностей. Не только ровесницы, но и женщины существенно старше начинали играть в «Мотылька и Лампу». Могло казаться невероятным, но Петя совсем не был ловеласом; скорее наоборот. Приближать, а затем оставлять особ женского пола перед закрытой дверью – поведение, в той повседневной речи именуемое «динамо». ¹

Таково лаконичное и самое простое вступление к его характеристике. Само по себе оно приближает к представлению о Петре в возрасте двадцати одного года в такой же мере, в какой указание на свойственную снежинке шестигранность соотносится с нагромождением торосов у скалистого морского берега, предваряющего череду лесистых холмов, за которыми зенитное солнце тщится опалить белую горную гряду, уже готовую выкатить слезу из беззащитного глаза.

В компании Петя своими рассказами от первого лица будоражил даже закоренелых интровертов. Если обобщать, то часто его историичинались как сказания, например: «Когда мёд уже стал сладким, горы ещё оставались высокими, а я...». Умом на нашем курсе было не удивить, но уж точно, уровень нашего гуманитарного образования, унифицированного советской школой, он превосходил. Не вдаваясь в детали относительно обстоятельств (энтузиаст, школьный учитель истории и в то же время его родственник, двоюродный дядя), следует констатировать: это превосходство было создано самообразованием. Однако, отсутствовало что-либо показное, нарочито-энциклопедическое: чувство меры Пете тоже было присуще, и веер павлиньего хвоста, хоть и разворачивался, но не образовывал доминанту на местности. Не помню, тогда ли ко мне пришло понимание его превосходства в образованности. Полагаю, что именно его образование проявилось способностью ставить впечатлявшие меня своей нестандартностью вопросы. (Услышать Олины слова о том, что она вдова – это не то же самое, что перелистнуть отношение и тотчас подумать о Пете в прошедшем времени: «он умел задавать необычные вопросы».) Причём, эти вопросы относились не к обсуждаемым психологи-

¹ * Н.С.Гумилёв.

ческим материям, а ко всему вокруг, от меню студенческой столовой до влияния коммунистической идеологии на текущие решения администрации факультета.

Были ли мы друзьями? Да, это слово произносилось; оно вообще легко произносится двадцатилетними молодыми людьми. На занятиях мы нередко сидели рядом, за одним столом, а в перерывах вместе бежали пить кофе или чай с булочкой. Хотелось бы снять шляпу или, за неимением оной, отыскать иной способ проявить уважение грядущему мастеру слова. Тому, кто для родившихся до запуска машин времени в серийную эксплуатацию воссоздаст то питьё что в рабочих и студенческих столовках текло из баков с краниками и называлось кофе. О, средний род здесь весьма кстати! Такие же сложности поджидают и описание чая: оно заваривалось утром в большом баке, затем это, которое звалось «заваркой», доливалось горячей водой. Впрочем, несоответствие слова и его оттиска было если не повсеместным, то широко распространённым явлением для обитателей большой страны с ухабистой историей. Надо обладать немалым литературным даром, чтобы не пивавший тех кофеёв, «не испивший сей чаши» неграмотный обитатель большой страны смог прочувствовать согревающую волну благодарности и признательности от того, что «жить стало лучше, жить стало веселее». Ко времени нашей с Петей учёбы – это и самогипноз, и как бы подзабытый от долгого неупотребления сталинский лозунг, который есть и приказ, и гипноз. (Позвольте заверить, что я не делаю выписки с пожелтевших страниц. Полагаю, при взгляде на них эффект будет тот же, что и при разглядывании текстов на старославянском языке. Я лишь описываю свои мыслеобразы в начале телефонного разговора с Олей Арепиной, в девичестве Рассказовой-Малимон: скоростные, кратковременные, мелькающие как мошки перед лицом в тёплый и влажный день.) Разгорячённые пробежкой и убеждением, что гипноз на нас не действует, мы с герр Питером нередко обсуждали повсеместный миропорядок, неправильный и правильный. Удивительное дело: при том, что мы часто расходились во мнениях, страстным спорщиком его не назвать. Сейчас мне ясна причина. И опять – в его пользу. ,

А однажды, мы, вместе с ещё одним однокурсником, заступились за девушку и дрались с хулиганами. Вообще-то, как я сейчас понимаю, хулиганы они только по протоколу. А так это заурядные аборигены, для которых железнодорожная платформа пригородных электричек – обычное место встреч, почёсывания, потягивания дешёвого вина из горла мутной бутылки, общения на своём местном диалекте, где междометия и союзы есть бранные обозначения мужских и женских гениталий. Мы же исходили из представления, что эта платформа – общественное достояние, публичное место. Типичный пример ситуации двух правд, каждая из которых основана на непересекающихся аргументах: «мы тут были всегда, когда тебя ещё мама не родила» и «платформа построена для удобства и удовлетворения законных интересов пассажиров». В результате, все оказались доставленными в милицию. А у милиции – даже не третья правда, а шизофреническое расщепление: рабочим парням выпивать и драться – это непременный классовый атрибут, как по-другому? А советскому студенту драться – это нарушать легенду советского же общественного согласия. Кто сказал, что если издать приказ для пациентов психиатрических больниц и медицинского персонала поменяться местами, то эти пациенты не справятся с задачей? Для того, чтобы справляться с задачей, поставленной кем-то мудрым-премудрым, совсем не обязательно сформулировать для себя понимание её смысла. Впрочем, доминировали восьмидесятые годы двадцатого века, вера в верховенство мудрости, в верховную мудрость слабела повсеместно, и под утро сержант в той же патрульной машине с триумфально-синей мигалкой-подсветкой довёз нас, уже помеченных куда более скромными отёками того же цвета, до общежития.

Он (Петя, а не сержант) женился на Ольге на последнем курсе. Его мать, взрастившая в нём псевдорыцарскую тождественность по умолчанию, не просчитала, что созревший фрукт покатится не обязательно к её ногам, и что Прекрасная Дама-Невестка уж точно не может быть столь прекрасна и безупречна, как она сама. После окончания университета Петя вместе

с женой вернулся к себе домой, в Екатеринбург, который тогда ещё носил имя одного из трибунов красного террора. Совсем скоро среди памятников цареубийцы, расставленных по стране, преимущество получают те, что с массивными постаментами: такие постаменты предоставят больше места для начертания проклятий зеркальных антисатанистов. Под слоем проклятий, нанесённых поверх друг друга, начнут исчезать очертания имени, отчества и фамилии.

В эту пору обыкновения общаться в интернете вообще и в социальных сетях в частности, надо понимать, не было; разговаривали мы с Петей не часто – когда он приезжал, сначала в Ленинград, затем в Петербург. И случалось такое всё реже и реже.

Когда и у кого из нас возникла мысль о внутреннем соперничестве? Абсолютно внутреннем, не имеющем никакого отношения к делёжке житейских реалий. Мои оценки в университетской зачётке были выше. (Не надо улыбаться при ссылке на величину оценок, так как практический психолог – это не физик-теоретик. По определению, ему необходимо быть частью единого социума, что означает сохранять в матрёшечном виде заблуждения и шальные предрассудки прыщавого подростка со всеми смешными последствиями, проистекающими из сего тезиса.) Многие годы профессиональной карьеры я имел статус, которого у него не было: научно-исследовательский институт, через раз упоминаемый в разговорах как привилегированный, кафедра психотерапии, одна из немногих в стране. Я намного раньше защитил диссертацию и получил учёное звание, что тогда повышало общественный статус. Совпадение ли это, что в те годы его профессиональная карьера догоняла мою? Только пять лет назад стал заведующим кафедрой психологии, что для всезнающего анонима свидетельствовало об опережении, несомненном превосходстве надо мной. Соперничество между нами – это не победа в борьбе за какой-то ресурс, не «мне или тебе». Из-за того, что моя профессиональная хронография долгое время была впереди, а также из-за отсутствия позыва быть начальником над другими, я, со своей стороны, долгое время отрицал идею нашего соперничества. Пока меня не осенило, что односторонне, сверху вниз нависает только крона мотива, что по существу соперничества всегда нужны двое. Тогда вспомнился мимолётный эпизод.

Мы, студенты, сидим на стульях, расставленных кругом. Психологический тренинг, новинка в учебной программе, новинка в остывающем эСэСэСэРе. До этого, по обыкновению, в публичных местах совершеннолетние люди сидели рядами и слушали партийного функционера или уполномоченное им лицо. А если располагались кругом, например у костра, то обязательно с осведомителем-сексотом – секретным сотрудником; извините за гротеск. А круг без осведомителя – оплошка КаГЭБэ. (Хоть и гипербола, но не всегда.) Не помню, в какой ситуации ведущий тренинга спросил у меня про отношение к Петру. Зато помню, как у меня ошеломительно быстро выпрыгнул импульсивный ответ про зависть. Я услышал свои собственные слова сразу, был сражён ими и тему свернул. Но долго недоумевал! С Петей мы об этом эпизоде не говорили и тогда, никогда не вспоминали и впоследствии.

...Ольга рассказала, что муж умер полгода назад, внезапно. Сердце. Я не знал об этом. Мы не виделись, не разговаривали уже довольно давно – разные города, разные жизни.

Также Ольга сказала, что «я сейчас в Санкт-Петербурге», что «пробуду не очень долго» и спросила: «Могли бы мы встретиться? Это очень важно».

Чтобы сказать эти несколько слов так контрастно твёрдо, надо не сомневаться, что «для мира нет ничего важнее моих дел»; ей удалось сохранить повелительное наклонение детского неведения.

В этот период своей жизни я беспрепятственно мимикрировал под проходные стандарты текущего десятилетия и, подобно многим людям, стал использовать в качестве места встречи кафе. Обычно это «Ворона и сыр» с грузинской кухней и юмором или «Пегодя» – название корейского пирожка: недалеко, никогда не бываетлюдно. И там, и там можно долго сидеть над чашкой кофе без домогательств официанта: «Желаете ли что-либо заказать?». Но, наверное, повлияли студенческие воспоминания поперёк телефонного аппарата в руке, пуповиной

привязанные к быту и ментальности Советского Союза. Тогда большинство людей, которые не приворовывали (вот ведь слово придумали – приворовывать...) могли позволить себе кафе или ресторан только в случае больших событий. И я пригласил Ольгу приехать ко мне домой. Объяснил, как доехать.

Когда завершил разговор, то удивился, улыбнулся мимолётному вектору мысли про подтекст: мужчина и женщина наедине, скомпрометировать... Откуда это, ведь я не обитатель девятнадцатого века? Попытался вспомнить, как же она выглядела... Серые, на выкате глаза с томной восточной поволокой, длинные ноги... Получилось проще, чем вспомнить, как обстояли дела в девятнадцатом веке.

Договорённость о «пяти вечера», что оставляет по другую сторону занавеса «пять утра» реализовалась Ольгой пунктуально. Под сопровождающий фон приветствий она переступила порог, оказалась под ярким потолочным светильником и стала снимать шубу. мех с фиолетовым отливом принадлежал, по-видимому, какому-то зверю инопланетной расы, условно жизнеспособному мутанту. Я убедился, что правильно помнил только серые глаза. Ноги, подпиравшие грузную фигуру, никак нельзя назвать длинными. Очередной штамп, как угольная пыль на перчатке кинематографического лакея: длина женских ножек меняется с возрастом измерителя. Впрочем, миловидна – мелькнуло вполне по месту. Миловидна, прямые крашенные волосы не вызывали изжоги раздражения своим тоном. Так бывает со мной, если случайно оказываюсь на линии соприкосновения в безнадёжной войне, которую женщина ведёт с проступающей сединой: «Измена, предательство!!! Где та девочка, которой мама расчёсывает волосы? Где стихотворения на школьном утреннике и никогда не смолкающее стрекотание аплодисментов?». Также, Олино лицо было соразмерно подвижно, когда она, иногда улыбаясь, делала комплименты моему дому, его «классическому» стилю.

От предложенного кофе отказалась, на чай согласилась. Сосредоточила немигающий взгляд на большой фотографии на стене сбоку от себя: уходящая перспектива заката над озером, размытая нерезкостью старинного фотографического объектива. Она словно погрузилась в неё, опережая стремление поскорее стать невидимой.

– Петя не только заведовал кафедрой психологии... Он ещё писал стихи и рассказы. И эссе тоже. Но не публиковал. Ему важнее был роман, который задумал и начал писать четыре года назад. И который не завершил. Говорил, что книга, можно было бы считать, готова, но... Останавливался на этом «но». Не хотел, не мог принять окончательное решение, говорил, что сомневается в концовке. Помню его слова, буквально за неделю до смерти: «Это очень, очень важно. Пока не пойму – ничего не будет!». А я думаю – не хотел отпустить роман от себя, так ему и говорила...

Оля отставила далеко пухлый мизинец, замедленно сделала большой глоток поостывшего чая, взяла из вазочки конфету, развернула и оставила. Вряд ли театральность, похоже на задумчивость или спор с кем-то невидимым.

– После его смерти я приходила в себя, устраивала жизнь свою и дочери. Она как раз школу заканчивала. Мне трудно оценить готовность книги, я никогда этим не занималась. Но я должна сделать так, чтобы книга была издана.

Она просила моего совета и помощи.

Почему я? Потому, что моё мнение «Петенька всегда ценил». И потому, что «больше ни про кого он так высоко не отзывался».

– Очень, очень нужно твоё мнение о том, что делать с концовкой романа... Да и просто в Петербурге издательств больше. Наверное, будет легче, чем в нашем захолустье. – Оля смотрела на меня в абсолютной уверенности, что сказанное ею предельно конкретно и ясно.

Ничего себе, вот так аргументация! Признаюсь, я был в замешательстве. Бывало, сидишь себе на представлении в цирке рядом с ребёнком, в безопасном тридевять-десятом ряду от воронки-водоворота арены, а клон вошедшего в раж клоуна не подкрадывается снизу,

а пикирует на тебя сверху и предлагает что-то вытащить из его колпака. Наконец-то моё бытие, или хотя бы его течение стало предсказуемым; я лелеял эту взращённую с трудом предсказуемость, старательно культивировал консервативность.

От меня последовали вопросы к Оле, якобы уточняющие. Их количество подпиралось неотвратимостью ответных слов на просьбу. Когда-то, давным-давно, до меня дошла сенсационная новость, что не обязательно говорить определённое «да» или «нет». Полагаю, будь у всех людей подобная пагубная привычка к определённости своей позиции, они могли бы сохраниться только в вольерах зоопарков, устроенных дипломатической расой. Ответственность за такой вывод хочу поделить на нас двоих: на себя и Чарлза Роберта Дарвина.

Допустим, её мотив – это память, долг. А я здесь при чём? Только потому, что мне сказали о Петинном уважении к моему мнению и, вообще, что я был чуть ли не единственным, кого он уважал? Ну, прямо какая-то индийская мелодрама.

– Мне надо познакомиться с текстом.

Небольшое замешательство, которое делало Оле честь: разве мыслимо оставаться невозмутимой, расставаясь с драгоценной вещью, передавая её из своих рук в чужие даже на время? А как она представляла – что я всё устрою, подготовлю договор с издательством вслепую? И редактор, не глядя, заключит договор? Полагаю, она была в числе некоторых славных последовательниц Евы (любимый вкус «мужского шовинизма»), что не заглядывают так далеко вперёд. Говоря честно (но не вслух), я и сам не представлял, как всё это делается. И всё равно, математика «бормочет под руку», «задвигает в ухо» (да-да, ошибки нет!), что ноль больше, чем отрицательная величина. Чем величина отрицания.

Из завидной бездонности коричневой дамской сумки Оля достала папку с рукописью, и мы договорились, что месяц будет достаточным сроком, чтобы я мог сказать что-то определённое.

А я тем временем успел решить для себя, что соглашусь, если книга мне понравится, так как хорошие книги пишут не каждый день. Пусть в этом случае книга Пети Арепина и её читатели встретятся. Хотя такую вероятность я не предполагал высокой; уж слишком требовательным, привередливым по отношению к художественной прозе я стал. Должен сообщить (тут и скрывать нечего), что у меня нет никакого специального филологического образования, ни прямого, ни косвенного. Довольно долго, изрядную часть своей жизни, отвечая на вопрос о трёх любимых книгах или трёх книгах на необитаемый остров, я искренне называл в их числе «Трёх мушкетеров» Александра Дюма. Русская классика такое жеизрядное время ассоциировалась с проштампованными уроками литературы в советской школе: «Образ Катерины в пьесе Александра Островского „Гроза“ – луч света в тёмном царстве». И так далее – галльские тексты с купеческим акцентом.

Однако в доме моего деда имелась библиотека, около пяти тысяч томов. Моё детское воображение было потрясено сочинённой вместе с ним, с воображением, арифметической задачей: если читать одну книгу за три дня, то для прочтения всех книг понадобится сорок лет. За гранью понимания ребёнка, только что с энтузиазмом посвященного в максимум четырёх арифметических манипуляций. До сих пор помню потрясение – что-то вроде звона в ушах, да замечания взрослых про мой потерявшийся аппетит. Ненадолго.

В доме моих родителей тоже имелась библиотека, пусть и значительно меньше, и я по кругу перечитывал доступные моему разумению книги, пока с нетерпением ждал совместного с отцом посещения общественной библиотеки. Помню звонкий трамвай (надеюсь, вирус, побуждающий изливать воспоминания детства, пощадит меня) и длинное двухэтажное здание, больше напоминающее барак, чем храм, открывающий врата...

Относительно себя имею также факты, согласно которым книга приходила, добиралась до меня даже не со второго и не с третьего захода. Есть книги, которые одновременно пробрали меня до мурашек на коже; сам удивляюсь – но это не метафора. А когда-то они каза-

лись мне скучными, и я, не дочитав, высокомерно их откладывал. Не хотел заставлять себя дочитывать до конца. И наоборот, есть немало книг, от чтения которых я раньше получал чувственное удовольствие, а сейчас замечаю, как вызывают они недоумение зияющей немощью бурных сюжетов.

Вероятно, такое ощущение читательской перемены и позволило себя уговорить, что имею основания вмешиваться в судьбу Петинского романа. Позволило наделить себя таким правом.

Не скажу, что взялся за чтение сразу после того, как дверь за вдовой закрылась и восстановила мою монополию по наполнению дома звуком шагов, по языческому бормотанию и разнузданному напеванию импровизируемых частушек на злобу момента. Необычная, неожиданная ситуация? Нет, в этих словах чего-то не хватает; что-то ещё! Будто через проигранное пари я должен намазать лицо зелёнкой, прикинуться инвалидом в коляске, добраться до ресторана и отведать тюлений бекон, запечённый с перцем чили. Нет, опять не то... Ситуация слишком противоречила моему *modus vivendi*, являющему собой замкнутую экосистему. Турбулентности в ней не более, чем бурления в крошечном пруду посреди лета. Пруд пережидает полуденную жару, незримые подводные квартиранты манкируют своими обязанностями и никак не подтверждают своё присутствие. Пруд радуется взгляду, добавляя разнообразие в примелькавшееся чередование аллей и лужаек, не более того. С некоторым допущением можно убедить себя в распространении благотворной влаги по округности. Но если кому приспичит выразиться насчёт того, как «отражения облаков заигрывают с тенью склонившейся над водой ивы» – это будет не про меня. Недоступная мысль о том, что ведь есть где-то моря всего мира с их ураганами, являлась неприкрытой угрозой.

Конечно, я опасался книги, как приключения, в котором все мои прошлые достижения и опыт совсем никак не пригодятся. Признаюсь, по мере прочтения текста у меня появлялось впечатление, что в нескольких шутовских эпизодах персона с непристойно серьёзным лицом списана Петром с меня. Справляться с минутной слабостью помогал Арне Транкель. В его эксперименте приняли добровольное участие двадцать человек, которые заявили о неверии в то, что по почерку можно определить характер человека. Под диктовку они написали текст. Через неделю им раздали индивидуальные характеристики от «эксперта-графолога». После прочтения и изучения письменного заключения каждого из двадцати попросили оценить его точность. Независимо друг от друга одна половина участников эксперимента определила характеристику как «совершенно правильную и на удивление точную», а другая – как «в общем и целом верную».

Внимание! Все предоставленные «заключения» были идентичны!!! Вот образец, маленький фрагмент из заключения «эксперта»: «Вас угнетает обилие правил и ограничений, поскольку Ваше стремление к свободе, имеющее глубокие корни в Вашей личности, является выражением потребности самому отвечать за свои поступки. Ваш почерк показывает, что в Вас есть некоторые художественные задатки, которым Вы, однако, не дали полностью развиваться».

Ложное узнавание.

Артефакты и пейзажи Нижнего Вяземска, переименованного императорским указом из Буэнос-Вяземска во времена Первой Русско-Испанской войны. Большой университетский город с метро, с белостенным кремлём у слияния Вертуги и Кады и с вековым смешением архитектурных стилей Пётр не сочинил, а собрал Нижний Вяземск, как ребёнок собирает что-то диковинное из подаренных ему кубиков. А недостающие элементы с успехом заменяет руинами других игрушек и неосторожно попавшими на глаза предметами: пепельница, прикупленная взрослыми в предвидении курящих гостей и потерянная за отсутствием таковых, трофейная шкатулка сестры, которая осталась после её поспешного, необдуманного набега. .

Вспоминается, как при одной из наших с ним встреч, году этак в девяносто третьем, мы смаковали как хороший анекдот защищённую недавно «на полном серьёзе» историческую

диссертацию о торговых и культурных связях древних греков и предков поморов по результатам раскопок Акроземска, что на берегу Белого моря...

Глава первая

Алкосолипсизм – рационально обоснованная доктрина, краеугольным камнем которой является нетрезвое и навязчивое убеждение, что вселенная аналогична собаке, которая виляет хвостом и дружелюбно трётся об ноги. Отмечаются случаи распространения данного убеждения на так называемые периоды трезвости.

1

Представьте небольшой посёлок в труднодоступном российском отдалении. Или, если так предпочтительнее, представьте остров в Тихом океане с райским климатом и одноэтажными бунгало-палатками, в дверях которых отсутствуют замки. Жизненные правила ясны и написаны для обитателей всех возрастов. Не всякому человеку из тех мест случится посетить многоэтажный город и прокатиться в лифте впервые только лишь в двенадцатилетнем возрасте. Этот человек дожждётся отсутствия назойливых взрослых, дожждётся вожаемого момента, чтобы повелевать лифтом, чтобы кататься на нём до полного самозабвения. Возможность управлять земным притяжением, ощущение собственного могущества и ощущение власти, заключённой в нажимающем на кнопку пальце. Отождествление с пальцем слияние конечной точки бытия с исходной. Маркировка – и в этажах, и в летах – лишена всякого смысла. Это уже совсем не то прежнее, детское удовольствие от катания на качелях, сопровождаемое задающим ритм отцом. ,

Увы, конструкция лифта не позволяет исключить вероятность появления кого-либо ещё. Люди входят в кабину спокойно, как ни в чём не бывало. Так, словно не понимают, что это за событие. Досадная помеха, питательный бульон тотального отторжения. Или они – избранные, жрецы лифта, обладающие круглосуточным доступом? Отдающая в скулы жаркая зависть: ведь им позволительно кататься на лифте хоть посреди ночи, хоть всю ночь. Кто они, почему они? Является ли этот вопрос проявлением интереса к способу: к тому, как приобщиться, как заполучить их круглосуточные права? Вопросы, вопросы... Да сколько ж ещё ждать, да когда же, наконец, всё случится!?

Непрерывно следует допускать, что линия жизни подростка не прерывается на магической цифре двенадцать. Не прерывается вопреки многочисленным предупреждениям родителей и других квазикомпетентных фигур, вопреки их указаниям на угрожающие опасности и опасные угрозы, длинный и хаотичный список которых представляет помесь ретроспективы личных экспериментов тех фигур и свежееобжаренных научных исследований... Вжик; глядишь – а вот уже и ранняя зрелость! Ранняя, не ранняя... Теперь, *volens-nolens*, нашему давешнему знакомцу приходится неподсчитанное число раз входить в распахнутые двери лифтов. Справедливости ради надо помнить, что альтернатива «приходится» всегда существует: ему было совсем не обязательно покинуть бунгало на райском острове. Предупреждаю сразу: ему не следует рассчитывать встретить в лифте бэтмена. Сверхчеловека проще застучать в комиксах, ужастиках и тому подобных запатентованных подручных наполнителях между пунктом «А» и пунктом «Я». Там, где благодетель стремится засеять своими проекциями обширное пространство между абажуром (французским приглушителем света) и всеядной ящуркой в русскоязычном меню. Также, специально для мачо и любителей экзотики, рекомендую взять в попутчики мерзавца. Для этого существует Генрих Манн и его «Верноподданный».

Пассажиры. Спокойствие определённости, если в лифте сосед с изнывающей от нетерпения парой болонок, что нетерпеливо елозят коготками по полу: эти – вниз. Или пылающая, жаркая, почти успевшая отпрыгнуть друг от друга парочка на первом этаже, вынужденно переходящая от недосказанного слова на якобы невидимый обмен взглядами. Парочка смущённо и одновременно демонстративно тяготеет вынужденным присутствием чужеземца. Безальтернативно: эти – вверх.

Испытание для терпения, испытание для терпимости – промежуточная остановка. Явление зимней дамы в вечернем туалете под распахнутым каракулевым полушубком. Шляпка с чёрной вуалью и чёрные очки под ней. Но как можно, кто посмеет не узнать даму, если весь мир оповещён, что совсем недавно, лет этак двадцать тому назад, её любил великий человек. Вера Иосифа в свою богоизбранность, измельчённая в блендере утилитарного прогресса и скитающаяся вне постоянной экспозиции.

В другой раз лифт заполняется, проседает под высокой женщиной в ярком восточном платке. Статья, иллюстрация к «княжескому достоинству». Её «добрый день» звучит так мягко, так проникновенно, так персонально, что узнавание – «где-то мы встречались» – не кажется непрошенным.

Невезение – это тогда, когда через предательство услужливой двери в лифт проникает начальник и быстро припоминает лицо своего подчинённого. От неловкости, от переживания своей значимости или ещё от чего (лишь Осирису ведомо!) он использует ситуацию, чтобы дать дополнительное поручение, которое тут же, на ходу, придумывает.

Вот приходит большой лифт; в нём компания, пять человекот двадцати до двадцати пяти лет. На их веселье попутчик, величина мизерная, как следует из подсчёта, не оказывает никакого влияния. Можно безошибочно утверждать, что брюнетка в джинсах и на каблучках магнетически вожделенна для трёх пар глаз обступивших её парней. Вторая девушка из всех сил борется с собой, посылая мужчинам сигнал взглядами и анонсами междометий: «я тоже здесь». Она отчаянно и безосновательно надеется и на то, что старания эти возымеют результат, и на то, что их изнурительность останется незамеченной.

На следующий раз лифт пришёл с лязгом, который честнее слышать при опускании заслонки в крематорской печи. Поначалу он притворялся пустым, пока зеркало в торце кабины не выдало соглядатая. Никакие ухищрения, ничто – ни стильная одежда, ни косметические уловки, ни подмигивание да прочие запанибратские гримасы – не мешают слышать приглашение к диалогу: «Вы на ярмарку? А я – с ярмарки!». Простительное желание проигнорировать; почти сразу за зеркальным приглашением наступает момент, когда присутствие соглядатая отзывается слабодушным раздражением: то ли лифт идёт слишком быстро, то ли наоборот – слишком медленно...

Как всё это далеко от того первого, первобытного предвкушения – от власти над тем, что больше тебя и меня!

2

Итак, начало две тысячи шестого года.

Бесспорно, упоминание в предыдущей строчке одна тысяча четыреста пятьдесят третьего года позволило бы поскрести по стенкам исторического кувшина, зацепиться за падение Византии и подготовиться узнавать обстоятельства встречи с константинопольским императором Константином XI Палеологом или хотя бы с его головой на столбе, отрубленной уже после смерти в бою... В ночное время желающие взглянуть на неё не могли воспользоваться электрическим прожектором или фонариками, но и чадающий факел неплохо служил до крови охочим туристам. По мнению, распространённому среди выпускников усреднённых школ – неплохая вечеринка для обитателей зачуханного Средневековья с эпидемиями чумы и без нижнего белья.

Увы, отсылку к две тысячи шестому году сопровождает скольжение, подобное скольжению по поверхности отполированного льда с мыслью вонзить в него лакированные ногти: что тогда было в моде, какова статистика распространённости посудомоечных машин, каких мобильных телефонов было больше, темпы замены ртутных градусников на электронные... Это год, когда слово «облако» в русском языке имеет единственное и прямое значение скопления водяных паров в воздухе... Кликнув справочники, легко оказаться перед выбором между открытием в России социальной сети «Одноклассники» и находкой саркофагов в египетской

Долине царей. И так далее... Установлен факт, что в этот год концертная программка с обещанием музыки композитора М.И.Глинки строго и традиционно хранила на почётном втором месте золотистое «И.», намекая на причастность к концерту Ивана, отца композитора, редко упоминаемого в биографиях.

Впрочем, как любил приговаривать мой недостижимый ныне сосед, «может и Луна на Землю упасть, и наоборот. Всего не объять!». В этот год, однажды утром, соответствующее этой сентенции настроение было у Павла Николаевича Фомина, когда тот собирался поехать на работу.

Позднефевральский термометр показывал вполне приличные полтора десятка градусов ниже нуля по Цельсию. Прекрасное, по крайней мере упорно воспеваемое с привязкой к этому эпитету, морозное русское утро в Нижнем Вяземске – крупном городе, смещённом на восток, по направлению к географической окраине Европы и гордящемся наличием метро. Эталон контраста: чёрные контуры деревьев обильно припорошены наисвежайшим снегом «белее белого». Примерно в такой же зимний день сосланный в псковскую глушь Александр Пушкин слышал колокольчики саней подъезжавшего лицейского друга и выбежал в подштанниках на крыльцо, ликуя от предвкушения родственной души... Воспоминания очевидцев ценятся не по количеству деталей и подробностей. А достоверность определяется и подавно не рассказчиком.

Рассвет уже состоялся, не смотря на раннее, до автомобильных заторов, время. Павел Николаевич обихаживал свою машину, сгребая щёткой снежный пласт, что лежал поверх неё. В короткой чёрной куртке и кепке с опущенными наушниками, высокий, предположительно долговязый после вычитания его из куртки. Серый коробчатый внедорожник на момент покупки уже лет пять, как перешагнул возраст «самого расцвета сил» и был приобретён под самоуспокоительный аккомпанемент заклинания «удачная покупка». Из выхлопной трубы низко стелился белый дымок, выдуваемый греющимся мотором. В мыслях Павел Фомин уже ехал, наслаждаясь музыкой, по трёхполосному проспекту, который, как он привык за зиму, косыми ножами снегоборочных машин подстригался в первую очередь. Успел чуть продрогнуть и посчитал желаемую степень очистки достигнутой; рассчитывал на комфорт тёплого салона. Постучал ботинком о ботинок и взялся за дверную ручку. Ручка легко проделала половину пути, весь путь и остановилась, не породив ожидаемый щелчок. Ещё раз. И ещё... Ничего не происходило, дверной замок оставался заблокированным.

Требуется время, чтобы сопоставить все данности жёстко прописанной задачи: все двери закрыты, запасной комплект ключей с брелоком лежит дома, в квартире, где Павел Николаевич проснулся сегодня в благодушном одиночестве, а ключи от этой квартиры находятся в папке, притягательно расположившейся посередине переднего пассажирского сиденья. В ней были и водительские документы, и телефон, и бумажник с деньгами – то, что стандартно может пригодиться в трудных жизненных ситуациях. Минута шла за минутой, а видимым изменением стали только побелевшие щеки. Да тропинка по периметру машины от эпизодических пробежек, которые, по задумке, были призваны способствовать согреванию, но лишь иллюстрировали неприязнь между теорией и практикой.

За свою водительскую биографию Фомин уже испытал шок от двух неудавшихся угонов и одного завершённого, успешного. (Экономия на размежевании сторон, повсеместная привычка к оценке результата!) Поэтому вариант, в котором он уходит погреться к соседям по дому и раннему утру, а машина с работающим мотором остаётся без присмотра – это такой вариант, который не приходит в голову. Как и многие люди после него, Павел Николаевич предпочитал считать себя умным, хотя текущий момент это явно не подтверждал.

Часто, решению подобных задач по преодолению затруднительных ситуаций мешает восприятие их волшебными. Как заблокировалась машина сама, волшебным образом, когда никакой сигнал грядущей неисправности не предвещал ничего плохого, так, столь же волшебным

образом, она и разблокируется. То, что волшебству есть место не только в сказках, Павел убедился в возрасте восьми лет. Тогда они с отцом остались на неделю вдвоём; мать вместе с Женей, старшей сестрой, в дни её последних школьных каникул уехала в Москву. Большой театр, балет, музеи. Остановились у исконного москвича, дяди Гриши. Тот приходился отцу сводным братом, был младшим и, что самое существенное, нежно им опекаемым. А здесь, в Нижнем Вяземске, в субботу, Паша уговорил отца сходить в кинотеатр, посмотреть какой-то фильм, который ныне не оставил зацепок в памяти. Отец не слишком охотно, но и без долгих колебаний согласился, поскольку чадолюбие, как он шутил, не относится к числу смертных грехов... По возвращении домой оказалось, что из аквариума исчезли все до единой рыбки – от неторопливых тугодумов гурами до порхающих цветастых гуппи. Уровень воды не изменился, сам аквариум во всех других отношениях был цел и невредим. Как и всё остальное в квартире. Все возможные версии были отвергнуты: дубликат ключей никому не отдавали, форточки закрыты, да и рыбки были вовсе не экзотические – дворняжей породы. Других домашних животных не имелось.

Рыбки так и не вернулись...

Справившись с фронтальным наплывом волшебства, Фомин стал обращаться к довольно редким прохожим с просьбой одолжить мобильный телефон.

Есть трудности точной датировки того временного периода, когда от сообщений о мелких и крупных криминальных эпизодах нельзя было отмахнуться, назвать их преувеличениями российской прессы. Тогда многие, увы, весьма многие жители крупного города, каким был Нижний Вяземск, могли поведать о грустных подтверждениях. Тем не менее, женщина в длинной шубе, после паузы, наполненной зримым колебанием, согласилась сама набрать номер. Затем всё-таки рискнула: передала телефон незнакомцу.

Пока намечался прогресс: случайно Фомин запомнил простой номер компании, предлагавшей помощь на дорогах. Упрашивая диспетчера сделать всё возможное, чтобы помощь приехала побыстрее, он всячески постарался объяснить ситуацию, применил послушно подкатившую убедительность: от эмоционально-интонационной до взрослой, расчётливо аргументированной. Отважная хозяйка дорогого телефона с облегчением отказалась от благодарности. Знакомство на улице, да с неудачником не заинтересовало её.

Вдоль боков Павла Николаевича, от бёдер до подмышек пузырьки холода вскипали и лопались вздрагиванием, как от укола неумелой медсестры. И через десять минут ему не показалось, что ярко-оранжевая, маленькая и юркая машинка приехала очень быстро. Из неё вышел непонятно как разместившийся там невысокий мужик необъятной ширины, к тому же одетый в тёплый комбинезон с капюшоном: «Механик. По вызову. К вам?». Полминуты, ион протискивает в дверную щель резиновую подушечку, соединённую шлангом с обычной резиновой грушей, которая используется в тонометрах при измерении давления. Делает несколько кистевых движений, вследствие которых подушечка расправилась и увеличила дверной проём настолько, что тонкая проволока в направлявших её пальцах смогла пробраться и подцепить внутреннюю кнопку двери.

«Как мало надо для счастья!» Неужели именно подобные состояния и предвосхищают, подразумевают люди в своих пожеланиях счастья, которыми они искренне и многократно обмениваются в праздничные (и не только) даты? Фомин с воодушевлением заплатил деньги, соответствующие времени, проведённому вдвоём в хорошем ресторане. Включил обогрев на полную мощность и только-только успел согреться, когда подъехал к парковке перед серовато-тусклым зданием одного из корпусов университета, в котором разместился факультет психологии. Почти не опоздал. Круговая порука готового к долготерпению «почти» – благословенная разница между работой авиадиспетчера и преподаванием в университете.

Помещение на втором этаже, которое занимала кафедра психодиагностики и психологического консультирования, являло собой хаотическое сочетание узких проходов-каньонов между столами и шкафами, более уместное на геологической кафедре, ибо с неизбежностью рвотного рефлекса напоминало вспучивание тектонических плит из разных эпох существования кафедры. Проходы рассчитывались под дисциплинированную циркуляцию секретаря. В дни заседаний кафедры, конференций и просто в результате случайных лунных приливов пробраться к необходимому пункту назначения, будь то вешалка для одежды с потерянными наконечниками, или стеллаж с папками для документов, или свободный компьютер, или электрический чайник – это было возможно. Но только тем особым способом, для описания которого используется ссылка на встречу двух жителей горного аула на узком мостке над рекой. Получится ли разминуться изящно или с неловкостью, молча или с приветствием зависело не только от пола, возраста, положения в иерархии, предыдущей истории взаимоотношений. Не обязательно гипертрофированно объяснять природу заторов влиянием гигантских амбиций и чувством собственной исключительности, как это через раз случается среди людей, чья профессия начинается на «пси-». Выдающийся масштаб – великанские пропорции, объём чело- века – также мог наглухо парализовать текущее функционирование кафедры.

Павел Николаевич поздоровался с секретарём, совсем юной девушкой в больших круглых очках. Длинная заплетённая коса, которую сейчас ещё можно видеть в фольклорных хоро- вых ансамблях, смотрелась бы при ней вполне естественно. Имя Фомин забыл, несколько тем не терзаясь, так как секретари кафедры менялись калейдоскопически. В результате само- гипноза, зачарованные своими фантазиями, они и помыслить не могли, что их ждёт не про- сто рутина, а насмешка над здравым смыслом. (О, следует отличать рутину извращённую от простой, вульгарной рутины! Вульгарная разновидность подползает малозаметной змейкой и пугает лишь дважды: в романтической юности рутина кажется препятствием на спринтер- ском забеге к подвигу, а при выполнении предпенсионной калькуляции – посягательством на шагреновую кожу возможностей и смыслов.) Кафедральной «изюминкой» являлись обстоя- тельства, в которых ответственного за эту насмешку над смыслом обнаружить было невоз- можно – это равносильно попытке схватить на лету скользкое мыло. Юная особа с несо- стоявшейся косой работала всего вторую неделю. Недостаточно, чтобы поверить своему разочарованию.²

Выяснилось, что назначенная встреча – консультация по студенческому диплому – бла- гополучно отменилась, и получаса, оставшегося до начала тренинга, как раз хватило на запол- нение каких-то отчётных форм, взятых в кавычки гиперинфляционными пометками «очень срочно!» и «очень важно!».

Павел Николаевич отделался от бумаг и, не очень быстро, но и не вальяжно, направился по длинному коридору. По одну сторону от него находились двери учебных аудиторий, а с дру- гой стороны, обращённой на север – частые проёмы окон без намёка на карнизы для штор. Между окнами – официальные, в одинаковых строгих рамках, портреты. Удостоенные научным признанием покойники на портретах перемежались стоящими под ними на полу и на подокон- никах разноразмерными кадками и горшками с различными образцами флоры. Один кактус из их числа, чей статус новобранца или старожилы вызывал равные сомнения, рос в жестяной банке. Если бы прохожего экскурсанта навестила праздная мысль о необходимых условиях для попадания в пантеон славы, то, во-первых, ему следовало бы начинать с наличия свободного места на простенках между окнами. Вклад в науку желателен, но может исчисляться и нату- ральным эквивалентом. Кроме того, во-вторых, необходимо дождаться своей смерти. Во благо

² * *Калейдоскоп* – оптический прибор-игрушка с цветными стёклышками внутри; при поворачивании трубки вокруг оси цветные элементы, находящиеся в освещённой полости за зеркалами, создают меняющиеся симметричные узоры. Эффект мелькания широко используется в седативной индустрии наряду с сосками для младенцев и игровыми приложениями.

душевному равновесию идущего по коридору преподавателя, равно как и в назидание ему, простеночные вакансии здесь более отсутствовали. Ибо количество корифеев фантастически точно совпадало с замыслом архитектора, рассчитавшего число окон и проёмов!

Далее, в центре небольшого холла напротив выхода на запасную лестницу, по которой снизу, из кафе поднимались скучновато-пластиковые запахи, расположился тёмно-зелёный стол для настольного тенниса. А также парень и девушка, двое сосредоточенных студентов, незнакомых Фомину. Равномерное, завораживающее игроков, цоканье пустого белого шарика. Невысказанное: всё верно, университет – это также и место для взросления. Господа студенты делают выбор: пойти на лекцию или поиграть в теннис... Довольно неожиданно – это было даже резко – парень остановил игру и поздоровался, явно выказывая уважение, даже почтение, можно полагать.

Фомин так и не перенял загадочной способности своих коллег к стереоскопически-расфокусированному взгляду при передвижениях по коридорам факультета, который позволял избегать омертвляющего обмена приветствиями с десятками человек за день. Мог ли парень ошибиться и принять его за кого-то другого? Нет, такая версия не появилась. Уважение незнакомому студенту он с лёгкостью счёл результатом присутствия того на каком-нибудь из докладов на университетских конференциях разного ранга, традиционно и естественно открытых для студентов любого курса. Был ли Павел Фомин замечательным лектором, докладчиком на самом деле? Неизвестно. Дело в том, что он замечал энтузиазм слушателей, сидящих впереди, ближе к нему. Этого было достаточно. Лица людей, сидевших поодаль, выражение этих лиц оставалось вне доступа. Отнюдь не бесполезное стремление понравиться слушающим его людям с годами вымывалось самоиронией; как-то незаметно, само собой. Нравиться слушателям постепенно становилось лень, что очень даже сопрягалось с уменьшением досягаемости задних рядов фоминскими тезисами и выкладками.

В течение этого года преподавательские часы Фомина составлялись из лекционного курса по психологическому консультированию, нескольких семинаров. Но чаще, как и сейчас, он проводил тренинги. Имелись несколько разработанных им тренинговых программ, которыми сам был доволен. По завершении тренингов чувствовал себя усталым. (Резиновый шарик, из которого разом, безостановочно выпущен весь воздух.) Но усталость проходила, как и все быстротечные состояния, как проходило и ощущение, так ценимое им в тренинге: насыщенность, наполненность жизни в редком сочетании с осмысленностью.

Павел Николаевич остановился перед дверью с прикрученной пластиковой табличкой, на которой значилось число «27» и посмотрел на часы. Высчитал, что есть ещё одна минута в запасе, педантично, справа и слева высморкался в просторный ветхозаветный платок-сморкальник, и без того хранящий свидетельства морозного утреннего инцидента. (Это как раз про Фомина: он признавал гигиенический прогресс одноразовых бумажных платочков, но противостоял необходимости убирать их в полиэтиленовые пакетики, а пакетики в карман или папку; ибо креативные создатели бумажных платочков не обладали должным воображением, чтобы предвидеть масштабный исход корзин для мусора и уличных урн из учреждений и с просторов Нижнего Вяземска.)

...Вы сомневаетесь, что есть места и есть там люди, которым известно всё? Лично мне как-то довелось разговаривать с парикмахером, довольно популярным, работающим исключительно по предварительной записи. С большим родимым пятном на лбу, но не по центру, а сантиметра два в левую сторону, он не позволял образоваться зазору, в который могли бы проникать сомнения о его всеведении! Не помню уж, как зашёл разговор: призывая в свидетели свой диплом историка и под ритмичное клацанье ножниц он сообщил, что Российскому императору Павлу Первому коварными англичанами была предопределена иная смерть, нежели посредством удара табакеркой или удушения шарфом. Поскольку император не пользовался бумажными одноразовыми платочками, то его должна была погубить коварная аглицкая инфекция,

коварно набирающая силы в его же собственном коварном носовом платке в коварном феврале тысяча восемьсот первого года. Почти за двести пять лет (без двух недель) до момента, когда Павел возьмётся за дверную ручку и потянет её на себя. *один*

4

Когда Павел добрался, наконец, до места назначения, все стулья, расставленные так, что образовывали неровный круг, были уже заняты. За исключением одного. За предыдущие дни девять человек уже приспособились к манере преподавателя начинать строго в оговорённое время, приписываемой немецкой ментальности, но никак не вольнолюбивой отечественной натуре. Тренинг проводился по программе повышения квалификации, и потому средний возраст, профессиональный и просто жизненный опыт участников значительно превышал их аналоги у студентов, в большинстве своём поступавших в университет после окончания школы. *наш*

Двое мужчин, один из которых, очкастый и хлипкого вида Семён был руководителем психологической службы метрополитена Новосибирска, а другой – Вадим, кряжистый великан – вузовский преподаватель из Нижнего Новгорода. (Перепутались в аэропорту вместе с багажом: выверт жанра.)

Марина и Вера, дамы лет тридцати – тридцати пяти. И одна, и другая улавливали смысл говоримого преподавателем быстро и именно так, как тот рассчитывал, надеялся. Порой они восхищали Павла Николаевича своими интуитивными и точными выводами, которые опережали следствие из озвученной мысли. Одеты они были совсем по-разному: на одной синее бархатистое платье с широкими рукавами, тогда как у другой – свитер с мягким большим воротом и волнистая юбка глубокого зелёного тона. Несмотря на это буквальное различие, даже одежда объединяла их в пару: у обеих всё расчётливо просто, но выглядело добротное, а по ассоциации – и дорого. Как и украшения: у Марины – кулон с сапфиром, а у Веры – серёжки с изумрудами. Они нашли-создали ситуацию, чтобы вскользь об этом услышали соседи, так как знали, что многие люди слабо разбираются в ювелирке. Камушки небольшие; как бы скромно да на своём месте.

Ещё одна необъявленная пара: молоденькие и современные девушки, Ася и Анжелика, пару лет назад получившие диплом. В первую очередь современные, а уж во вторую – молодые. Их современность была засвидетельствована легитимным поручительством: оранжево-фиолетово-зелёные перья волос, блестящие колечки, шарики в губе, в носках. (Тест: если при мимолётном взгляде на Асю с Анжеликой попутчику слышится стрекотание кинохроник начала двадцатого века, на которых запечатлён быт и обычаи колониальных африканцев, то сам он застрял где-то на пути из древности.) Анжелика вдобавок отличалась молчаливостью. Антагонист или недоброжелатель вполне проявят свою сущность цитатой «пока молчишь, можно сойти за умную». Общение в группе, в тренинге сработало на действенность иной цитаты: «бутону требуется время, чтобы явить цветок». Разве проверить: сплошные фантазии...

Вне классификации, вместо удобного попарного обобщения оставались три женщины. Благодаря уникальной композиции твёрдо-гибкой уверенности и мягко-настойчивой оперативности Ларису легко вообразить в окружении привычных атрибутов преуспевания, локус-просперити. Портрет бизнес-леди до попадания под брызги тошнотворных интервью для глянцевого журнала. Но она предпочитала работать в частном детском саду и консультировать семьи. Одевалась сугубо рационально: сегодня, например, на ней был то ли плохо стилизованный древнегреческий хитон, то ли спортивная футболка с распродажи. Замшевые туфли-тапочки выглядели несоразмерно изысканными. Серафима, экс-стройная блондинка в тесноватом деловом костюме несколько лет не работала из-за маленьких детей. Сейчас, когда дочь подросла и пошла в школу, Серафима хотела бы заняться частной практикой. И наконец, Зинаида, шея которой обвешана в несколько оборотов мотками янтарных бус. Её нельзя было назвать непривлекательной; смущало только, что возраст сразу предположить трудно. Если ограничи-

ваться беглым взглядом, то ей могло быть и тридцать пять, и сорок, а могла быть и ровесницей Фомина. В самом начале, при знакомстве, упомянула о кризисе, намекнула на некие трагические события и сказала: «Не знаю, что мне важнее – собственно профессиональное обучение, или получить новый импульс для себя». Впрочем, в иных отношениях она не выделялась. Или – выделялась не более других.

Шесть дней назад, когда в самые первые секунды тренинга Павел Николаевич шёл от двери к своему месту, раскладывал подготовленные бумаги, обводил глазами присутствующих и приступал к приветствиям, все они видели мужчину лет сорока пяти с виду. Первое впечатление непримечательности. Сразу не сказать, высокого или среднего роста. Действительно, скорее долговязый, чем худощавый. Так и в других отношениях – волосы не чёрные, скорее тёмные. Ни густые, ни редкие, они открывали будущую проплешину штатным провидцам. Лицо нельзя назвать бледным, скорее незагорелое. Пластиковые очки в тонкой чёрной оправе не смущали своей старомодностью, но и на свежую коллекцию претензия отсутствовала. Однако, основания предполагать безразличие к производимому впечатлению тоже не было: не застёгнутый на пуговицы тёмно-серый пиджак из ткани с ощутимым присутствием шерсти и светлая рубашка вызвали ощущение стиля и добротности. Чёрная папка из такой же основательной, тиснённой кожи. Единственное, что в ней было не так – это потёртости, нажитые долгим трудом. Чёрные облегающие джинсы предполагали хорошую физическую форму, хотя простой, неширокий ремень из натуральной кожи без узора или тиснения был избыточно затянут и оттенял намечающееся обветшание живота. Те, кто имел склонность быть повнимательней, могли бы заметить, что левая половина лица выбрита хуже. (Как и сегодня, и почти всегда. Есть мнение, что нашу претензию на индивидуальность поддерживают лишь недостатки. А кстати, что скажет достопочтенный Шерлок Холмс – привет от Конан Дойля – кресло ли боком к окну? Отсутствие ли человека, способного указать на оплошность?) Взгляду первоисследователя доставались также фоминские брови: не густые, но с торчащими в разные стороны жёсткими и длинными рыжими волосками. Те, кто в дальнейшем принимали решение отнестись к Фомину с симпатией, домысливали торчащие волоски как милую деталь, что оттеняет кажущуюся колючесть характера. Для неприязненных фантазий простор намного шире.

В последующие дни также подтвердилось, что ни подвижной мимикой, ни яркой жестикуляцией Павел Николаевич не отличается, хотя и мёртвым лицом точно не назвать, а жесты, хотя и были редкими, зато уместными и выразительными. Так, например, он резко расправлял перед собой пальцы в две распластанные пятерни. При этом ладони могли быть обращены вниз, приземляя, могли занимать близкую позицию у груди или дальнюю у глаз, а то и вовсе подпирать небо, аллюзией вызывая мифического атланта.

Стремление ухватить какую-либо индивидуальность в его облике с облегчением и каламбуром хваталось за его нос. Если Фомину доведётся пополнить коллекцию портретов в рубрике «Разыскиваются!!!», его обязательно выдаст приметный галльский нос.

Самый подходящий момент ознакомиться с руководством по эксплуатации полуавтоматической мыслеварки:

Шаг 1. Согласиться, что только маленькому ребёнку позволительно полагать, будто подмигивание перед зеркалом тождественно подмигиванию самому себе;

Шаг 2. Согласиться с тем, что из зеркала на нас смотрят шеренги поколений, которые, в свою очередь, свои черты взяли напрокат от предшественников;

Шаг 3. Осознать желание вычислить нос Павла Николаевича Фомина от передовых отрядов Наполеона;

Шаг 4. Обратиться к двухтомному кропотливому исследованию М.Е.Ринальдо-Пуржевского. Его страницы снабжены зарисовками носовых украшений драккаров и неоспоримо доказывают происхождение иберийцев, галлов и викингов от общих северных предков.

Мыслеварка снабжена аккумулятором и зарядным устройством. Производитель обещает «электростатическое прозрение» для всех пользователей от шестнадцати лет и старше.

Вышеобозначенный нос безудержно и неотвратимо напоминал плавник акулы. При разговоре он (нос-плавник) неожиданно менял галс и, при неукоснительно направленном в глаза собеседника взгляде (иногда на переносицу), делал боковой маневр, отправляясь вслед за головой в квадрант заковыристой мысли.

Обращение Фомина к присутствующим неоднократно вызывало замешательство. Так, например, может обращаться не строгий отец, а заботливый старший брат. Ровный, доброжелательный окрас голоса. Но... Спасительный канат – он же и удавка! Совокупность бархатистых мягких интонаций с жёсткими, хлёсткими окончаниями предложений порождала угрозу. Вдобавок, дозированное, в пределах незаметности, удлинение паузы! Такая удлинённая пауза делала своё дело: намекала на ожидание, возможность ответа, но своей непродолжительностью пресекала всякую надежду на равенство. Оставалось только капитулировать. Как тогда, в начале первого дня тренинга, так и до сих пор этот эффект так и остался неизвестным для всех присутствовавших ввиду быстротечности момента. С самого начала, с первого дня Павел Фомин всячески побуждал высказываться, думать вслух, поощрял безопасный перебор альтернативных идей вне страха отвержения. Его мягкость было разглядеть легко через довольно частое согласие с собеседником, через уступки, через искреннее признание вслух обоснованности самого факта иной позиции. Скоро люди успокаивались, можно сказать даже, что расслаблялись. А потом испытывали шок, будучи подхваченными аргументацией длинной океанской волны, которая начинала формироваться задолго до различимой взгляду блёстки по верху гребня. У них есть полная свобода барахтаться в отрицании, делать мощные рывки провокаций или стойко молчать, экономя дыхание, сберегая силы для возмущения. Исход безальтернативен: очутиться в безопасности берега, но ровно в том месте, куда и было указано волной. .

Разные люди и в разных ситуациях говорили Фомину о притягательной «мягкой твёрдости» как первой в списке прочих его замечательностей. Так, примерно годом ранее, он проводил трёхчасовой мастер-класс на каком-то мероприятии, которое мне довелось присутствовать. Невольно я стал свидетелем, как по окончании к нему подошла одна из участниц. Женщина с вызывающе алой помадой, помеченная лёгкой, но заметной хромотой и публичным статусом «Звезды» и «Роковой Дамы». (Я тогда называл её звездницей. Но – за глаза.) Приблизилась к Павлу на короткую – полшага до поцелуя – дистанцию и стала благодарить или, как она сказала, «давать обратную связь»:

– Блестяще! У меня был настоящий интеллектуальный оргазм от структуры и логики представленного материала!

Его реакцией на слова «роковой» хромоножки стал рассказ о самках бантраев; причём, минимализм расстояния между ними с началом этого рассказа не изменился.

– Знаете, на острове Тыйонг, что в Индонезии, есть бантраи – ящерицы, которые водятся только там. В длину достигают до полуметра, хотя один старый охотник утверждал, призывая в свидетели половину копья, что видел метровую особь. Самка способна к оплодотворению круглый год. Когда она считает, что наступает подходящий момент, то около получаса звуками призывает самцов. Те, что в пределах слышимости, собираются вокруг нее. Иногда и до десятка самцов. Тогда она начинает поедать их – по очереди, друг за другом. Это длится изрядное время, на протяжении которого поклонники остаются неподвижны. Пока не остаётся один. Счастливчиком становится самый неподвижный... Так вот, деревенские жители, будучи заинтересованными в поддержании численности вкусных ящериц на острове, придумали отлавливать самок, подшивать им рот по уголкам и отпускать. В последующем брачная песня длится те же предписанные инстинктом полчаса, но самцов собирается существенно меньше...

Перекошенная звезда боком-боком закатилась в утилитарную часть небосклона...

Имеются славные предпосылки, чтобы назвать Павла Николаевича Фомина иезуитом. Помню, что при моём первом знакомстве с ним возникла именно такая мысль. Но довольно скоро я убедился, что свою власть он проявлял только в работе: со студентами, клиентами. Что его религией являлся контракт, «подписанный кровью»: договорённость, озвученный и согласованный обоюдный интерес. Полагаю, что самому ему ясность и определённость договора позволяла совладать с собственной противоречивостью. Ибо понимать его цели не всегда просто. Как и другие люди, именуемые нормальными, он поддавался соблазну соединять взаимоисключающее. Для меня так и осталось загадкой (смерть Кощея в игле, игла в яйце, яйцо в –), по какой причине его властность прячется от аплодисментов за занавес и куда уходит, покидая сцену. Так всё-таки, «способен ли актёр сыграть то, чего в нём нет»?

В нерабочей обстановке, в разговорах, для Фомина характерно шаблонное рассуждение: для принятия решения надо обладать соответствующей информацией и компетенцией. На что как-то Борис, его коллега и отчаянный спорщик, заметил: «Если все вокруг опылятся таким твоим подходом, то довольно скоро любоваться птицами станут исключительно орнитологи, а избирателями на выборах останутся лишь дипломированные политологи, желательно с допуском к государственным секретам».

5

Но вернёмся в тренинговую группу шестого дня.

Все давным-давно перезнакомились. Тривиально, но точно. Местоимение «мы» не раздражало; звучало одинаково прилично и в пространстве общего разговора, и на протяжении перерывов. В коротких «кофейных» перерывах часто наблюдалось плотное, но не закрытое кольцо вокруг небольшого круглого столика (если буквально, то стол был квадратным) с электрическим чайником, пакетиками чая, с сахаром и печеньем. Вся десятка прибыла к пункту, где люди готовы признать себя единомышленниками: короткими перебежками, под сполохи разных вопросов, комментариев и подтруниваний, иногда вызывающих. Соглашение пусть и не проговорённое, но столь же незыблемое, как правило длинного перерыва в середине рабочего дня. Пятидесятиминутный перерыв назывался обеденным, что однозначно подразумевало наличие максимально верного, правильного способа поглощения этих минут. .

Однако сегодня время этого перерыва законным образом могли бы измерить сюрреалистические часы Сальвадора Дали, стекающие с края стола. Те самые, усердно растиражированные: до засохшего пота, до вытарашенного гудка. Прямо в астрономическом начале перерыва Павла Николаевича нагнал, достиг телефонный звонок из отдела кадров с предложением явиться как можно скорее:

– Навестите нас, пожалуйста! – ровный, сладкий, воркующий женский голос. Уж если не назвать его воркующим в данном случае – то не именовать таковым вообще ничей голос.

Воображение материализовало, выудило на поверхность специалиста по кадрам, которая сохраняет эту джемоподобную тональность даже утопая, захлёбываясь и призывая на помощь: «Будьте так любезны, спасите, пожалуйста. Заранее, очень, очень вам признательна!».

Комнатушка отдела кадров находилась рядом с приёмной ректора. Фомин пробыл там минуту или пару минут; дольше было идти до неё по улице. Это ровно столько, сколько требуется, чтобы расписаться в ознакомлении с выговором, объявленным заведующим кафедрой.

Можно ли поверить в случайность, если на выходе из отдела кадров одиночный, отдельно взятый Павел встречается лицом к лицу, нос к носу, и рука к руке со своим непосредственным начальником? «Начальник», «начать» и «мычать» с ударением, расставленным по вкусу – однокорневое словотворчество, второй коренник в упряжке под хлыстом спятившего возницы. Умопомрачительно: автор свежее исполненного выговора, заведующий кафедрой психодиагностики и психологического консультирования, профессор, доктор больших наук, Руслан Артурович Русланов – действительно поджидал! Треугольный торс спортивного гимнаста под либеральным свитером и белёсая растительность там, где предполагались брови. Светлые волосы

вились, хотя не так заметно, как у младенцев на холстах художников Возрождения. Злые языки утверждали, что он целый год отчаянно добивался для себя уединённого кабинета, чтобы сохранять в тайне сражение указательного пальца с содержимым своего носа. Так это или нет, но иногда профессор совершенно без видимой причины вздрагивал и оглядывался вокруг, тряс головой, а затем на секунду-другую опускал её. Словно чувствовал присутствие и выискивал кого-то, кто укорял, стыдил его.

Червяки, регенерация – эти категории, увы, не есть вотчина узких специалистов. Вовремя, в гумусе и хаосе второго года постсоветской России, Русланов успел защитить пустую докторскую диссертацию по психологии и пропихнуться к пирогу с академической начинкой. Сейчас его рука тянулась вперёд, тянулась за прощением, виновато и заискивающе. А также – требовательно!!! Требовать, чтоб простили?!

Вынужденное, против воли, согласие с неистовыми гуманистами, признание их правоты, подобное признанию того факта, что, споткнувшись о подставленную ногу и упав, можно при вставании явить коленопреклонение: насчёт их заявления о том, что любое ничтожество снабжено какими-то талантами. Впрочем, и в самом деле, особый талант у Русланова был: прийти в кабинет вышестоящего начальника и излагать свои желания и чаянья, печальным и трогательным бисером нанизанные на единую нить Высшего Смысла, тождественного смыслу руслановскому. Какой злодей решится сделать ребёнку больно, не подарить ему столь желанную игрушку! Всплески гнусавости, которые появлялись у Русланова в самые патетические моменты повторений просьбы, вызывали ассоциацию с агонизирующим кроликом и только усиливали желание побыстрее расстаться, даже посредством капитуляции... Лишь бы не быть свидетелем агонии! Просчитанные варианты, отвергнутое искушение позвать охрану, страх физиологической нечистоплотности. Уступали, к своему собственному удивлению, и матёрые руководители. А случалось – и к позору. Руководители, мимо которых без всплеска прошли просители несть числа. («Что со мной случилось?» – жаловался ректор. Жаловался своей близорукой пышнотелой любовнице, которая только что посредственно сымитировала оргазм. – «Как мог я согласиться? Я же твёрдо собирался ему отказать!».)

Вполне вероятно допустить, что кому-нибудь из свидетелей-завистников очень хотелось научиться и освоить безотказную технологию Русланова. Распространённое технократическое заблуждение! Талант не замуровать в технологию!

Повод для выговора был надуманный, не стоящий и реплики в диалоге.

Вызрел он медленно, зато не взирая на времена года. Когда ничтожество Русланова становилось столь выпукло-рельефным, что уж и ему самому становилось трудно его не замечать, то находился повод устроить застолье на кафедре. Там он упивался вниманием, вещал фразеологизмами и жаловался на свою жизнь подручными поговорками: «ни одна живая собака не откликнулась» да «ни одной живой собаке вокруг ничего не надо». (Дилемма по-руслановски: душа мёртвая или притворяется живой?) Очень скоро кто-то верноподданный, якобы расторможенный вдыхаемыми винными парами, начинал говорить о найденных с помощью микроскопа заслугах и достоинствах Руслана Артуровича. Когда Павел оказался на таком мероприятии впервые, то испытал неприятный привкус во рту: мятный литературный эффе-мизм, маскирующий гадливость и омерзение. И с той поры всячески, как и когда мог, старался избегать присутствия на подобных сборищах, прямолинейно изобретая тому различные обоснования. Хотя эти изобретения не прикрывали мотив, были прозрачными и без изысков правдоподобия, но уравнивали его в градусе конформизма со всеми остальными. К борьбе за «справедливость во всём мире» Фомин относился очень серьёзно, вследствие чего заведомо от неё отказывался. По-собачьи отряхиваясь, напоминал себе, что приглашение на кафедру, открытую в девяносто шестом году, исходило от прежнего декана, а не от Русланова, знаком-

ство с которым тогда было чисто формальным. Хотелось ему думать, что «если бы я знал, что –». ³

Такая у выговора предыстория.

Худой мир лучше доброй ссоры? Изворотливая, изобретательная и трусливая человеческая уловка. Зависть к ящерице, регенерирующей хвост после враждебных посягательств. Павел Николаевич пожал зависшую в требовании ладонь, влажную и холодную, и поспешил в кафе, мечтая поскорей забыть об этом рукопожатии. Поднос, оплата у кассы. Свободных столиков не было, и он присел за ближайший. Под психоаналитический комментарий общительного соседа, мудроподобного преподавателя с кафедры социальной и педагогической психологии «агрессивно» съел две тёплые, смолисто-липкиебулочки с маком. И через прозрачный пластик витрины гипнотизировал третью. И только насильственная рациональность посредством мантры «всегда начинать занятия вовремя» заставила опустить глаза.

Перерыв заканчивался.

6

Незадолго доэтого искупительногобулкоприношения, метрах в пятидесяти по геометрической прямой – Марина и Вера. На скамеечке в тамбуре, отведённом под курительную, между чашкой кофе из автомата и сигаретой, обе грелись, укутанные в лирическое облако. Обе чувствовали напряжение в скулах: в мышцах, повинных в улыбке. Предшествовало тому напряжению развитие общей животрепещущей темы, заявленной неизвестно по чьей инициативе, слово за слово. Волосатая ли грудь у Фомина Павла или нет?

Стоит ли сомневаться, что это был спор? Ибо, если бы они быстро пришли к согласию, то и разговор бы скоро иссяк. А так, сейчас они подобрались к идее пари. Опущенная ссылка на то, каким образом выявить победителя; примерка своей неотразимости, подобной любимому вечернему платью, скучающему по хозяйке в шкафу из-за отсутствия надлежащего случая.

– А ты соблазни его! Почему нет, кольцо он не носит... Да и не в кольце дело, он же живой, эмоциональный, совсем не зануда, смотри как увлекается, когда —

– Не-а... Ты же знаешь, Марина, я не замужем. С общением проблем нет. Если человек мне нравится, иногда и романы случались... Но здесь как-то по-другому... Какой-то он непонятный, какой-то вроде и простой, и очень далекий. Трудно даже представить, что с ним можно говорить не о профессии или науке...

– Ну, ты прямо как застенчивая нерпа. Слушай, может ты влюбилась?

– Да ну тебя, сама ты влюбилась! Пошли, пора.

Некоторое время объёмные зрительные образы фоминской телесности занимали их настолько, что, против обыкновения, они возвращались молча и не встречались взглядами.

Волос на груди у Павла было совсем немного. О том, что это преимущество, что бывают мужчины, грудь которых напоминает «некошенный луг», он узнал не так давно от медсестры, когда та крепила к нему присоски с электродами для снятия кардиограммы. Тема сравнительной волосатости не посещала его ум исследователя, чему способствовала и немалая близорукость, вступающая в права вместе со снятием очков в бане или на пляже. (Между прочим, пляжное времяпровождение ныне вызывало в нём скуку.)

Дамы вернулись в трениговую аудиторию незадолго перед Фоминым, предпоследними, в тот момент, когда Семён начал рассказывать анекдот о серой мышке. Рассказывал Ларисе, но так громко, что слышали все, кто был вокруг:

Серая мышка крутится перед зеркалом. И так, и сяк. И приговаривает: «Какая я красавица, какая я умница. Умница и красавица! Ай да я!». И тут она случайно пукнула. Смутилась и убежала. —

³ . * Дилемма – положение, при котором выбор одного из двух противоположных решений одинаково затруднителен

К чему это он? А правда ли, что рассказчик всегда говорит о себе?

Как подтаявший снег цепляется за покатые весенние крыши, так отсвет улыбок ещё не сошёл с лиц, когда Павел Николаевич обвёл глазами круг и словами отменил перерыв:

– Вернёмся к нашим баранам.

Тренинг – это не лекция, не семинар. Чтобы помочь участникам и самому себе вернуться в состояние предобеденной непринуждённости, он намеренно начал шутливо. Прогрохотали те слова, которым было поближе: просто скатились по жёлобу из мозга на ложбинку языка. Естественно, осознавать или не осознавать двусмысленный контекст поговорки приходилось тем, к кому она была обращена. Прощение было неизбежно; здесь проявился талант Фомина через пару дней занятий создать в группе обстановку бережной уважительности, которую поддразнивание лишь оттеняет. Это поддразнивание – нечто сродни мальчишескому снежку в сторону девочки, которая почему-то нравится: естественная непоследовательность в обучении психологическому консультированию, где сначала идет допущение о собственной непоследовательности, а уж потом – признание факта непоследовательности клиентов. Как многое может измениться между незнакомыми до того людьми за неделю, проведённую вместе! Не то, чтобы так происходило исключительно в тренингах, но в пространстве тренинга это было почти predetermined. Наличие такого «почти» всегда бросало Павлу Фомину вызов, извлекало ощущение чего-то реально происходящего, будило азарт. Тот самый, любимый им в себе.

Следуя намеченному плану, он начал разбирать тему о ревизии прошлого.

Долой пересказ учебника. Кого интересуют закономерные тяготы путника, уверенного в несомненной правильности курса, но идущего по рыхлому, выше колена, снегу? Нынче фоминообразный преподаватель апеллировал к альпинистской связке исторических фактов с их современными интерпретациями; связке много перестрадавшей, потёртой от многократной эксплуатации и ненадёжной. Стоит проделать путь несколько раз, и вот уже каменная скала под ногами оказывается совсем не твёрдой опорой, а облачным сгустком, дробимым наскоками ветра на разноцветные фантики-фантомы – горькие, сладкие, кислые, солёные. Это ли не есть искомый, установленный факт – четырёхтактный, неоспоримо надёжный факт физиологии вкусовых ощущений? Но, подобно семенам зрелых одуванчиков между страниц толкового словаря русского языка, когда тот раскрывает всё сушее, даже на открытом пространстве пробивается к нам терпкий и нежный вкус бабушкиного айвового варенья; рукотворная секретность для языка обеспечена не бабушкиной скрытностью, не утаиванием рецепта!

Фомин принялся пояснять:

– Одно из очень ранних воспоминаний, мой день рождения. Мне четыре года. Празднование устроено родителями так, как это было принято тогда повсеместно и в Нижнем Вяземске, и «по всей Одессе». (Фомин нет-нет да и вставит, как сейчас, заметное «э», выпирающее занозой: говорил иногда «Одэсса», «шинэль», «новэлла». Тупое эхо от удара кувалдой по забиваемому в мягкую землю деревянному колу.) —

– Кого приглашать, определял я сам, – продолжил он.

Среди приглашённых были и закадычные друзья из детского сада, и друзья-соседи – соратники по штурму снежных крепостей во дворе, с двух сторон ограниченном деревянным забором. Они же – спутники по экспедициям в бескрайние прерии запретного заборья, которые определённо и строго не одобрялись взрослыми. К счастью для всех, те не афишируемые экспедиции в большинстве своём оставались без последствий, если не считать за них бесчисленное чередование досок, оторванных для прохода одними и приколоченных обратно другими. Чего никак не удавалось – так это вспомнить «истинные» размеры двора. (Павел пытался вычислить их в соответствии с количеством подъездов в доме, образующем угол двумя своими корпусами, но цифры никак не сходились с меркой четырехлетнего шага.) Некоторые из приглашённых на день рождения соседских ребят были старше, а один – в чине первоклассника, как синий кит среди дельфинов. Очевидно, значение имел не возраст, а приверженность пра-

вилам игры, честность в их соблюдении. Поэтому в их дворовом содружестве имелась даже одна девочка, Дина. Сейчас нашлись бы те, кто посмотрел бы на её родителей осуждающе, но тогда имелась судейская коллегия старушек, заседающих на паре скамеек, установленных друг напротив друга – для удержания сектора перекрёстного наблюдения посредством проникающих глаз с кумулятивным эффектом. Так вот, даже они не видели ничего необычного и предосудительного в том, что девочка участвует в сражении на деревянных мечях (годились и просто палка), которое предсказуемо переходило в «клубок сцепившихся бродячих собак». (Это не фразеологизм – это о собаках и дворах Нижнего Вяземска тех лет.) Единственным принимаемым сигналом к отбою могла быть пущенная кровь; пустить же слезу – быть изгнанным навек. Век мог продолжаться и целую неделю... А то и две.

Однако в своей новелле Павел Николаевич оставил эти декорации в полумраке и сразу перешёл к моменту, когда угощенья, поданные на стол, были, по выражению чьей-то мамы-лошадницы, «сметены стремительным кавалерийским наскоком». Он не менял темп повествования:

– Мои родители и родители тех моих гостей, что жили не по соседству и пришли в сопровождении, остались в гостиной, а дети переместились в соседнюю комнату, где стали стрелять по мишени. При нажатии на курок из ствола подаренного мне утром пистолета с тугой пружиной вылетала стрела: палочка с резиновой присоской на конце.

При соприкосновении с подходящей поверхностью – дверца шкафа, холодильник, портфель, которым успеваешь закрыть лицо старшая сестра – стрела издавала звуки разные по тональности, но всегда одинаково торжествующие. Да, такие военные игрушки были вполне в духе времени. Так же, как было естественным понимать моду как единообразие, идентичность одежд.

– Дети начали стрелять, и мне, как главному на празднике, предоставили привилегию быть первым в очерёдности, – Фомин в рассказе старался излагать очищенный сюжет, оставляя при себе вкусовые детали воспоминания. Да и память по-честному не сохранила того обстоятельства, что он сам и выдвинул эту идею права первого выстрела.

– Когда все по очереди отстрелялись по мишени, должен был начинаться второй цикл, такой же. И мне, четырёхлетнему Павлику, предстояло стрелять после того мальчика, который стрелял передо мной. О, какой обман!!! Как это могло быть, чтобы я, первый в очереди, вступал в дело после кого-то?! Случись такое со взрослым человеком, можно было бы сказать, что у него случился сбой мышления. И что следует поддержать рассуждение этого человека корсетом аргументации. Но тогда до моей взрослости – как до вершины Эвереста! Или, если хотите, как до дальних планет Солнечной системы – таких, какими они были до изобретения телескопа! Мне, персоне дня, уступили...

«В зале» возникло шевеление.

– Не улыбайтесь, так и было, – откликнулся на движение Фомин. – Когда обман в кавычках стал повторяться в третий раз, я стал отстаивать от посягательств своё законное, но поруганное право быть первым. Вследствие чего случилась попытка драки... Обида и злость! Как бы то ни было, но те чувства – есть не что иное, как факт: исторический, биографический. В той же степени, как драка, как последующее чаепитие с невероятно вкусным безмянным тортом, тотчас организованным командой недипломированных медиаторов из числа мудрых взрослых.

– Разве имеет значение, что слово медиация тогда напрочь не существовало в обиходе, а мудрость я сегодня не склонен измерять своевременностью торта!? – За то время, которого занятой вращением кленовой крылатке с семенами не хватит, чтобы добраться от ветки до земли, Павел Николаевич успел встретиться уголком глаза с каждым, кто слышал вопрос. Слушатели курса повышения квалификации. Сейчас они ждали, что в сюжете будет развязка. Разгадка. Очень разные, но все они в таком же чувствительном возрасте пользовались

рецептом барона Мюнхгаузена: неокрепший ум должен придумать способ, как вытащить себя из болота. Болота, что образовалось как раз вследствие детской немощи своего же ума.

Фомин-рассказчик зачем-то поднялся, направился было к доске, но тотчас вернулся на стул.

– Итак, каково моё личное прошлое в действительности? Можно ли отделить стрельбу из игрушечного пистолета на дне рождения от переживания обмана или даже предательства, которое я сейчас не испытываю? Что именно составляет моё прошлое – воспоминание о нечестной игре тогда или же моя улыбка сегодня, в которой есть снисходительность, но не насмешка: неугомонный мальчишка со стремлением быть первым и побеждать. Я сочувствую тому, как непроста была его внутренняя жизнь, как он сам создавал конфликты, «заваривал кашу», не умея её хлебать... Не могу обойтись без отстранённости третьего лица... Когда сегодня я именно так смотрю на своё четырёхлетие, то констатирую: с изменением взгляда изменилось само событие! – Рассказчик подождал, словно считал до трёх. Затем продолжил, алогично и резко:

– И, как следствие, мы подошли к категории ответственности. – (Павел Николаевич, о чём это вы? Слово, произнесённое в ущелье смыслов, затянутом туманом. Покажется ли, пусть ненадолго, его содержание, подобно вылетевшей из тумана птице? Надеюсь, хотя бы юристы знают, что имеют ввиду, произнося данное слово. Возможно, зря.)

– Все мы ответственны за своё прошлое! От нас зависит, как мы помним, как хотим помнить своё прошлое: думать о нём, понимать его, и, как следствие, переживать. – Фоминпомолчал, предоставляя время попривыкнуть к мысли. Словно к невиданному доселе незнакомому заморскому фрукту, выложенному на прилавок. Персональная репа для сноба.

Затем он продолжил короткими предложениями, как ручным штемпелем по расплавленному сургучу припечатывал: ⁴

– Всё, что мы умеем, знаем и ценим в себе сегодня, пришло к нам из прошлого. Прошлое – учитель. Отрицательный результат, положительный результат – это и есть механизм обучения. Боль и радость. Мы избегаем боли, избегаем неудач. Но заодно отрицаем их ценность. Не признаём, не хотим признавать, что благодаря боли, вопреки трагизму событий и ошибок мы научились чему-то важному. И сегодня можем больше. Вольны осознавать себя не жертвой, распластанной под копытами обстоятельств, а наездником. Ну, а маршрут – это другая история.

Фомин не любил проповеди: не любил их слышать и просто присутствовать при них, не любил как жанр. Сопrotивлялся и посмеивался вслух над собой – «мне это позволительно, у меня преподавательская профессиональная деформация». Увы, это не отменяло того обстоятельства, что создаваемый им контекст равенства собеседников, искренность, интонация взаимопочтения, лёгкая и будоражащая ирония: всё это регулярно бывало приплюснuto неестественной тяжеловесностью речи.

Скажу в защиту – Павел Николаевич всячески старался, чтобы сказанное не оставалось красивой и звонкой проповедью. Поэтому сейчас предложил участникам объединиться в пары собеседников и рассестся отдельно. Затем постарался тщательно объяснить задание:

– Передайте, донесите до человека рядом с вами, чему вас научило совершенно нежелательное прошлое событие или ситуация. Что вы узнали: о себе, о людях, о жизни? Как случилось, что это оказалось источником чего-то, что вы цените, или послужило основой для важных изменений? Найдите для своего визави понятные, недвусмысленные слова. Например, если бы кто-то сказал, что стал, или стала, сильнее, то проясните, как эта сила сказала, проявилась в дальнейшем, на что повлияла.

⁴ * *Сургуч* – окрашенная плавкая смесь из твёрдых смол и наполнителей, которую применяют, в том числе, для нанесения рельефных печатей на почтовые отправления.

И тут Серафима, почти перебивая, воспользовалась точкой между словами, вклинилась, как спешащая пчела между первыми дождевыми каплями. В сильном возбуждении возразила, воскликнула: «Вы хотите сказать, что любое трагическое событие „икс“, даже такое, как смерть моего брата два года назад – это хорошо»!?

Слова найдутся; всего лишь подходящая упаковка для посылки.

– Серафима, ваш вопрос построен на цепочке: икс – это обучение, обучение – это хорошо, так как направлено в будущее. Первоначально вы соглашались с этими двумя утверждениями, но теперь возникает заминка с выводом: следовательно, «икс» – это хорошо. Серафима, а как вы сами думаете, так что же, что именно вы узнали о себе, о других людях посредством упомянутого «икс»? Что принесла смерть брата в вашу жизнь такого, что важно для вас, что осталось с вами спустя два года?

Возмущённая Серафима переминается на месте, на развилке дорог, перед выбором: отвергнуть ли – сказать, пусть и не вслух, «да пошёл ты со своими идеями!» – или... Попробовать ли?! Зачем обороняться от друга? Надо ли атаковать человека, который не нападает? И не нападёт... Как это узнать, как поверить? Известное дело, вера выведена из-под юрисдикции логики...

Серафима резко встала, зашла за свой стул и упёрлась руками в его спинку. – Да, возможно... Возможно, когда теперь у меня бывают сложности, то я не паникую... Они для меня как вызов, как задача, у которой есть решение. И решать её должна я и только я... Брат воспитывал сына один, жена умерла давно, когда тот был совсем крохой. И я должна, я была обязана справиться с паникой... Со ступором, в который прежде, до этих событий, позволяла себе иногда впадать. Не отказывала себе в этом, и даже моя маленькая дочка меня не останавливала. И муж. Вся моя семья страдала... Да, было такое... Да, когда приняла решение взять племянша в свою семью, сперва было очень трудно. Но ступор позволить себе не могла никак. Смешно сказать, но оказалось, что я вовсе не беспомощная. А наоборот, – Серафима засмеялась. – Нет, вы не подумайте, что я железная леди. Я и к мужу обращаюсь, и детей могу попросить помочь, сделать что-то. Только теперь – это часть моего решения! Теперь – они не делают это без меня, вместо меня.

Поскольку в группе девять человек участников, получилось так, что Зинаида осталась без пары. (Случайность – удобная штука, которая сработана специально для неё.) В растерянности она то поглядывала по сторонам, то рассматривала небольшой кусочек пола перед своими ногами, словно выискивала там ответ относительно того, как поступить.

Подобная ситуация предусматривалась; в таких случаях Фомин сам участвовал в парной работе.

Очередность того, кому из них двоих говорить первым, решила не подброшенной монеткой, а желанием, просьбой Зинаиды говорить первой. Примитивная, но почти безотказно работающая хитрость: обмен «ты мне – я тебе».

– Я выросла в большой деревенской семье. Младший, пятый ребенок. С ближайшей по возрасту сестрой у меня шесть летразницы. Ну с кем я могла научиться отказывать: силы были не равны. Старшие – и родители, и брат, и сёстры – всегда были правы, сила тоже была аргументом. Сказать «нет», отстоять себя, победить было невозможно. Я зависела от доброй воли старших, сильных, а добрую волю заслуживала послушанием. – Такое предисловие сделала Зинаида, объясняя своё неумение отказывать.

Её предисловие – кому как на вкус – кажется правдой, ложью либо преувеличением? Да разве безотказный детеныш homo sapiens способен выжить! До чего ж люди умеют всё объяснить, лишь бы подпитать иллюзию контроля. Так себе вступление...

Чуть помолчав, Зинаида перешла к центральной истории:

– Вообще-то ничего особенного, пока жизнь шла, как у трамвая: депо, рельсы, остановка, двери открываются, двери закрываются... Школа, институт, замужество, дети, дом, работа.

Пока нас не обворовали. Вынесли из дома всё, что смогли поднять. Денег нет ни на что, да ещё кредит выплачивать. А тут на работе собирают деньги на подарок к юбилею коллеги. И знаете, сказала, что нет, не могу! Решилась: это ведь деньги, которые я должна у своей семьи, у детей отобрать. Приходилось тогда во многом себе отказывать... – она заглянула куда-то вверх. – Последствия действительно были: меня не звали пить чай, избегали встречаться глазами. Хотя осуждающие взгляды я замечала. Наказывали. У меня никто ничего не просил. Два дня страдала. И как-то дошло до меня, что боялась не быть всеобщей любимицей. Восхитительная лёгкость! Через какое-то время, в рабочей текучке, всё забылось. А страх не вернулся. Смеюсь: за эту свободу готова заплатить и больше, чем украли.

– А знаете, ещё... Мужу пришлось поехать на заработки в другой город, хоть и в нашей области. Мы виделись на выходные, иногда три раза в месяц, иногда два, а бывало и реже. Сейчас мы давно вместе, но – мы храним, очень стараемся хранить память об ожидании, память о том, что возможность находиться рядом, что радость общения легко потерять. Это работает, это не даёт нам привыкнуть друг к другу. Не даёт нашим отношениям стать фоном, сделаться привычкой...

Наступила тишина, хотя собственно тишиной она не являлась: эфир комнаты насыщался гулом абстрактных голосов. Проявились зарождающиеся отражения в стёклах двух вечеряющих окон – как в архаической кювете с раствором для фотопечати. Проявился желтоватый ореол лампочек в потолочном светильнике.

Вдвоём они ещё немного помолчали. Как сказать – нет никакого парадокса – сейчас соучастие несовместимо с любой репликой. Чуть заметный кивок головой: теперь очередь Павла Николаевича.

Ему претила мысль о человеческой искренности по плану. Очередная, пусть неявная, а всё-таки неувязка: Фомин не раз убеждался, что искренность в тренинге не уникальна. Более того, сильно уступает в уникальности старому цирковому трюку «мотоцикл в шаре»: решётчатая сфера, внутри которой мотоциклист разгоняется и начинает делать витки вниз головой. Судя по всему, уникальность искренности подобна уникальности самого первого кролика из шляпы фокусника в грядущей череде кроликов. Чудо импровизации, а не тщательно отработанный приём!

Воспоминание Павла не спланировано, не отобрано заранее, но явилось «под купол цирка» пунктуально, строго в подходящий момент.

...Шесть с половиной лет, старшая группа детского сада. Покажется неправдоподобным, но был организован турнир по боксу. Только для мальчиков (это другая эпоха). Не вспомнить, кому пришла в голову идея, но с одобрения воспитательницы. Из тряпок намотаны перчатки. На земле очерчена площадка, придуманы и приготовлены призы. Девочки помогали в подготовке и были зрителями. Для определения победителя сообразительная воспитательница доверила троим из них, наиболее инициативным и бойким, образовать жюри. Поединки проводились на выбывание, победители встречались между собой.

Павел уже не помнил, был ли трудным его путь к финалу; он был крепким и неизменным участником подвижных игр, а законы двора приучили его к противоборству. Первым финалистом предсказуемо стал Серёжа. Он же, как в полном согласии все чувствовали – штатный чемпион всех подвижных игр. Как сказали бы сейчас замороженные массовой научностью люди – альфа-самец; чуть ранее его одни назвали бы звездой, а другие – лидером. Но тогда он точно был гордостью и любимцем всего детсада! Уже не вспомнить, как протекал бой, сколько было раундов. Кажется, три. Точно только то, что победа Павлика была трудной, выстраданной, но, в итоге, несомненной. Спортивный термин: за явным преимуществом в концовке. Игра слов: поразительно, но ему досталось поражение. Заведомо и открыто симпатизирующие Серёже безмянные ныне девочки присудили тому победу. Предусмотрительная воспитатель-

ница пояснила, что в жюри она не входит. (Высшая справедливость оказалась не высокой, а далёкой; удобный случай изобразить смайлик.)

Павлик был не повержен, но поражён несправедливостью. Поражён не на шутку, поражён со всей серьёзностью! Его заботливые родители учили следовать правилам. Полагали, что именно это следование им, законопослушание в целом, и приведёт их сына к вознаграждению со стороны жизни, а потому ценно. Бокс одномоментно и эффективно поправил, починил картинку. Финальный поединок научил полезным премудростям: не всё обязательно определяется явными, публичными правилами игры! Исход зависит от человеческих взаимоотношений.

– Думаю, человеческие отношения, их значение именно тогда включились мною в число объектов, достойных внимания, изучения. Независимо от того, что не был способен так сформулировать, – завершил выводом Фомин-преподаватель.

Заблуждался ли Павел Николаевич?

Представьте, ранним летним утром вы бродите по городу, который посещаете впервые – по незнакомому городу. Солнце раздаёт остатки восходной розовинки: стенам, скамейкам, вашему спутнику или спутнице. Мощёная ровным булыжником, почти безлюдная площадь. Тихая, в тени ажурного костёла... Неторопливая, безбоязненная рыжая кошка... Вы лелеете свой панорамный барельеф, уже отвердевает слепок... Сделайте круг и приходите вечером: пошёл дождь, проход преграждает большая лужа. Тёмный пикап, не снижая скорости, проезжает её, волна от колёс подхватывает оставленный туристами пластиковый мусор и доносит до стены слабоосвещённого костёла. Вот она – настоящая площадь, площадь в настоящем!

Павлу было невдомёк, что он поступал как цирковой трюкач, предлагая подтягиваться по канату к куполу, к подсвеченной разноцветными прожекторами личной истории; тогда как университетские стены, средоточие науки, намекали на доказанную исследованиями твердь.

Невдомёк, что ко времени боксёрского турнира вдоль его детских ушей основательно прогулялись разговоры взрослых меж собой о Степане Теобальдовиче, дедушке по отцовской линии. По их словам, в пересказе, в далёком одна тысяча девятьсот семнадцатом году на рейде Одессы стоял турецкий пароход. Он разгрузился и в обратную сторону наполнялся желающими хорошо подзаработать. Так обещали ушлые вербовщики. В дело шли проверенные способы: подпаивание, спаивание, заманивание. В отдельных случаях они практически не отличались от похищения. Когда пароходик загрузился молодыми мужчинами под сотню и стал сниматься с якоря, семнадцатилетний Стёпа Фомин прыгнул с борта. Единственный, кто передумал. Дед никогда не был заложником раз и навсегда принятого решения, его биография изобилует разворотами. Согласно семейному преданию (версия оригинальная, не отредактированная под детские уши), он менял профессию, несколько раз службу и работу, выучился на инженера, чтобы соскочить с намечающейся государственно-партийной карьерной линии, четырежды женился. Как признавалось родителями Павлика сквозь призму уважения, в итоге повороты оказывались верными.

(О благополучных исходах я слышал немало. Друзья или случайные попутчики охотно делились историями о том, как спаслись от напавшего медведя, о том, как он или она поборол или поборола волну в шторм, или о том, как выжили, заблудившись в горах. История о том, как врач на антарктической станции успешно сделал сам себе аппендэктомию с помощью зеркала. Люди рассказывают о том, что зависело от них, о том, как они держали дверь открытой, приглашая спасение, дожидаясь его. Формируется согласие, что при наличии «силы духа» – это как? – счастливая концовка неизбежна. Но – оппоненты не возымели случая парировать! Разве забыть о немалом числе тех людей, которые стремились к спасению ничуть не менее упорно? Но не преуспели, не выжили не доплыли, не убежали и потому не поведали о счастливой развязке. Уж точно, в их числе водитель грузовика на ночной Мурманской трассе, съехавший на заснеженную обочину, чтобы сменить пробитое колесо с правой стороны. Домкрат соско-

чил, и его руку зажало, а водители редких проезжавших машин не могли его видеть и слышать. Понимая, что замерзает, он попытался перегрызть руку...) — —

Иная данность: по общему мнению, отец Павла, Николай Степанович Фомин, имел «твёрдый хребет», но в первую очередь характеризовался как гражданин и семьянин, последовательный в своих решениях. Нужно совершить насилие над воображением, чтобы представить его прыгающим с того корабля, на который он поднялся своими ногами.

Риторический вопрос: «Как на самом деле люди становятся такими, какие они есть?»

Риторический вопрос номер два: «Кто есть господин Фомин?»

Так бывает: основываясь на уязвимых предпосылках, можно сделать и жизнеспособный вывод.

«Клин» – название построения средневекового войска: дети, за ними их родители, за их спинами родители родителей, прадедушки и прабабушки, а за теми спинами также их родители. И так далее... По замыслу, такой клин – сила. Однако стратеги-патриархи обнаружили уязвимость построения: неповоротливость, сложность управления на пересечённой местности бурных изменений в социальном укладе. Мельком, сквозь прорехи в построении проглядывают фигуры, место которым отведено в крытом обозе: болезнь и безумие, многожёнство, бастарды, предательства...

Предки Павла Николаевича Фомина— предположительно законопослушный разночинный люд. В Бархатной книге не прописаны. Да и в прочих иных архивных гербариях ни подвигами, ни позором не прищиплены. Отсутствуют сведения, чтобы они навлекали на себя внимание властей: особым ли шиком, жертвенностью или чем иным...

Следующую работу с обсуждением Павел Николаевич организовал в тройках, а сам, чтобы не мешать атмосфере заговорщического уединения тайных сообществ-троек, намеренно отошёл к ближнему окну. Облокотился на подоконник. Эдакий либеральный вертухай, символ контроля. Стоял, следил за временем, чтобы синхронизировать завершение для участников. Смотрел на дугу, составленную фонарными столбами все меньшей и меньшей высоты, вплоть до поворота. Своё название они оправдывали, были скопированы с рельефных столбчатых светильников; напоминали о часе, когда фонарщик поднимался по лесенке, открывал дверцу и зажигал лампу. Перед окном, на зачищенном снежном накате тротуара копошились несколько хорошо различимых воробьёв. Странно... Рядом ни газонов, ни старушек с хлебными крошками – так откуда они взялись? Далее глазу была доступна невостребованная доселе серая мгла, до неё не дотягивался свет от фар проезжающих машин. С краю, там, где мгла сгущалась до черноты, в тёмном платке – бабка по отцовской линии, первая жена Степана Теобальдовича. Не успела эвакуироваться, осталась в Одессе и была застрелена фашистами в сорок четвёртом году, в самом конце оккупации. Не за помощь подпольщикам, а так, для устрашения. Павел знал её по единственной сохранившейся фотографии. Там же, в мгlistом переходе он попробовал разглядеть только что живого отца, которому делал подсмотренный в кино не прямой массаж сердца – отчаянная, бесполезная попытка заклинания. Тот не появился, зато прислал картинку. Иллюстрацию к рассказу про своего отца, деда Степана. На ней двадцатые годы двадцатого же века. Воспоминание совсем маленького мальчика о том, как его папа дома, в одесской квартире, почистил карабин, собрал его и для проверки зачем-то выстрелил в электрический выключатель: «Что ему взбрело в голову?»... Грохот, дым, полумрак, запах пороха... Мать выскочила из туалета, не слишком приведя одежду в порядок, «в торчащих панталонах». Воспоминание Николая Степановича: «Ну и досталось же нам!». Факсимильным оттиском этого страха помечены тупики в арендованных лабиринтах семейной жизни Фоминых...

Тренинговый день закончился; прощались. На следующий день кто-то скажет, а другие подтвердят, присоединятся: «Несмотря на усталость, такое чувство, что и „мамонт добыт“,

и нет ни раненных, ни обиженных полученной долей». Кто-то, не стесняясь патетики, добавил: «И нет водораздела или иной линии между личным и профессиональным!».

7

Оставшись в одиночестве, Павел Николаевич собрал в стопку страницы с рабочими материалами, убрал их в свою папку.

На его запястье, в металлическом корпусе наручных часов со стрелками тикал рабочий день; через полчаса назначена консультация. Посидел несколько минут с закрытыми глазами. Попробовал было применить приём для релаксации и отдыха: представить и рассматривать какой-либо из собственных фотоснимков. Выбрал один из самых любимых, сделанный им в тридцатиградусный мороз рядом со сливом Братской гидроэлектростанции. Незамерзающая чёрная вода, прикрытая колеблющейся тюлью испарений. Замороженные ели, заполненные снегом во всю длину ствола...

Не получилось, кусочки-пазлы не удерживались на месте.

Вздрогнул от неожиданности: урчанье в животе застало врасплох. Оказалось, что и кстати – если не урчанье, так телефонный звонок вернул бы его в обжитое пространство.

Думал, что звонит клиент. Но нет. Собеседница обратилась по имени-отчеству, знала о его существовании, но не наоборот. Ей на том конце высокочастотной дали целых три минуты (так по ощущению) удавалось хранить тайну относительно цели звонка. Зато стало однозначно понятно, что только сейчас «уважаемому Павлу Николаевичу» предоставляется такой шанс, какой ни один здравомыслящий человек не упустит. Ибо это гарантированный и безальтернативный путь к полному и окончательному счастью. Фомину сделалось, в плохом смысле слова, любопытно. Но, наконец, у него получилось извлечь из светонепроницаемого термопакета тайну звонящей: способ стать счастливым – это купить «по сказочно малой цене» билеты в театр, на премьеру чего-то «выдающегося». Вместе с билетом полагается подарок, «восхитительная косметика для вашей жены».

В иной раз он легко бы поддался раздражению: «Гнали, гнали их из храма, да не догнали!». Но какое может быть раздражение, если нет взаимоотношений? Как нет их между амазонской анакондой и деревенским почтальоном из Орехово, домики которого вросли в карту местности по другую сторону от областной административной границы Нижнего Вяземска. Почтальон только что опустил последнее письмо в ящик на неокрашенных воротах, присел на неровную скамеечку сбоку и разворачивает заждавшийся пирожок, завернутый в салфетку с надписью «мой герой».

Клиент, Александра, звонила впервые ещё полгода назад, узнавала условия консультации. Потом перезвонила через пару недель. Договорились о консультации, но в последний момент она её отменила. Потом пропала. И вот, договорились вновь... Придёт ли сейчас? Такое поведение подразумевало внутреннюю борьбу. Страх, что случится как раз то, что внутри уже известно. Ну, почти известно. (Никуда не деться с планеты: кора, мантия, ядро, страх предстоящих перемен). Прелюдия интриговала.

В назначенное время дверь открылась, вошла молодая женщина. Лаконичное: «Добрый вечер! Я – Александра». Павел Николаевич поприветствовал её в ответ.

Открытый овал лица с соразмерными чертами и без следов макияжа. В иных обстоятельствах, если догадаться, оно бывало привлекательным. Недлинные волосы собраны сбоку заколкой с выпуклым силуэтом лошадки. Довольно светлые, но не настолько, чтобы принадлежать блондинке. Аккуратно обработанные ногти без намёка на лак. Длинное вязаное платье с тонким пояском. Цвет его трудноопределимый: обобщённо назвать можно и кофейным, но с очень лёгким добавлением тёмно-синего. Платье не слишком светлое и создаёт контраст с незагорелой, по зиме, кожей. Голос, меццо-сопрано – отстранённый, протяжный, но не заунывный. «Беовульф». Голос вполне подходит для его прочтения вслух, для декламации. Лучшего не вообразить, если кому в современности придёт в голову вновь складывать эпическую поэму.

Ей было легче, когда «год назад смогла поговорить с психологом о травме». Так Александра обозначила нечто трагическое, имевшее место быть. Фомин, разумеется, не стал теснить разговор прямым вопросом «о чём вы?». А Александра продолжила говорить о себе с высоты дикого гуся, только что перелетевшего за Гималаи и не сообразившего, что уже можно бы и спускаться. Фантазия неискущённого, неосведомлённого слушателя готова и имеет время предвосхитить в качестве «травмы» всё, что угодно: укус реликтового крокодила во время купания в камышовых низовьях Вертуги, равно как и руку, защемлённую дверь.

– Я живу, но нет ощущения цели. Белый туман. Было какое-то дело, поддержка: спорт. Этот уровень полностью рассыпался... Приступы зависти-апатии к другим людям: они живут... Тупик. Ощущение стагнации, хотя внешней всякой деятельности много. Это как оправдание себя. Я знаю – это плохо... Захлёбываюсь в пустых обидях, волны злости, зависти... Колоссальные проблемы с памятью... Сейчас коматоз меньше. Помогает возможность выговориться. Священник, подруги говорят: хватит, вылезай. С братом странная связь... Некуда торопиться. – Александра рассеянно смотрела внутрь себя. Словно чтецу требовалось собраться, сделать усилие и перевернуть страницу.

Когда автор эпической поэмы делает остановку в чтении между главами, у слушателя возникает неочевидный вопрос-выбор. Кто он сам? Аплодирующий поклонник или педантичный, изучающий критик? Или неподвзятый судья с руками, которые похлопывают по карманам с текстами готовых вердиктов? Фомину было важно оставаться с той частью публики, относительно которой сказитель может продлевать надежду на прикосновение. Печаль.

– Младший брат убил. Семья прикрыла. Он сказал, что защищался. Это было совместное решение: мать, отец и я. А спустя три года – родители уже умерли – он совершил второе убийство. Это была его женщина, его подруга. Ей было двадцать семь. Я иногда думаю, что в этом и её вина... Однажды он её ударил. Тогда она должна была уйти... Почему не ушла?.. А сейчас её стали искать. Я с милицией поехала на дачу. Это моя, наша дача. Я открывала дом своим ключом, проходила с милицией. Брат сидел в комнате на диване, согнувшись. Держал голову двумя руками, скорее поддерживал её, чем прятал лицо. На полу эта женщина. Я смотрела, как выводят его, как выносят её тело. Мы так и не встретились глазами. Не помню подробностей, как всё перефотографировали, меня что-то спрашивали... Ощущения времени не было, не могу сказать, было ли это долго. Когда все ушли, стала всё мыть, на полу была повсюду кровь. Сутки мыла, наверное, не останавливаясь. Словно когда смою, то ничего не было. Словно всё ещё можно изменить...

Ожидаемо и неожиданно. Что достанется дневному свету? Задержка дыхания, когда нечто – до проявления светового фона наверху – начинает освобождаться, прорисовываться над ненадёжной толщей воды.

Александра и Павел, Саша и некто, архитектор и строитель. Они двигали столы-парты, учебную доску на колёсиках, стулья. В идеальном пространстве, с помощью одушевлённой сумки, покорного набора маркеров и подвернувшейся под руку вазы построили, создали три павильона, три композиции.

Первая – разговор в той комнате, где всё пропитано убиванием. Убивание осталось в стенах, в потолке, а не только на ещё не отмытом полу. Разговор с братом, непротокольный... Под бешеным порывом ветра град сечёт по лицу. Секущий и секущийся крик. Словно громкость зависит не от лёгких, а от того, сколько воздуха осталось вокруг, в изолированном стенами пространстве. Сель. Гнев.

Затем, спустя минуты три (тринадцать, тридцать три?), Саша перебирается в отдалённое воспоминание. О том, как после похорон матери (отец умер первым) они с братом поехали вдвоём на озеро, на своё любимое место. Разведённый костёр. Брёвнышко, на котором они сидят у огня. Сидят рядом и так близки.

– Как мы были близки... Брат всегда был маминым любимцем, немного избалованный. Мать любила сына безоглядно, без «почему», как любимую игрушку. Он и слушался маму как котёнок.

– Я поздний ребёнок, а брат – тем более. Мать всегда говорила: «Позаботишься, будешь присматривать за братом, когда меня не станет». Вот, присмотрела... Мне страшно, брат выйдет через четыре года, я боюсь его... Или своей ответственности за него? Сейчас не переписываюсь, но я его чувствую на расстоянии...

Перемещение в надпространство третьего акта, где в павильоне были только Саша с мамой. Без суфлёра. Диалог не сослагательный, диалог вне хронологии, диалог над временем: ни капли преувеличения! В заострённый желобок зелёного яблоневого листа скатилась послегрозовая капля. Хватит ли ей упрямства, наберёт ли она ещё влагу? Совсем чуть-чуть, чтобы оторваться полновесной каплей. Или иссохнет под скорым полуденным солнцем?

– У меня своя жизнь... Да! У меня своя жизнь! Да, пора взрослеть...

Солнце – оно для всех. А его тонкий остронаправленный луч, преломлённый в той капле, преломляется для одной только Саши. Никто – до самой последней секунды – никто не знает той реплики Саши, что предшествует возвращению:

– Хватит мне быть хорошей девочкой.

Точка прочнее, твёрже восклицательного знака. Что в ней? Неделимый геометрический объект. Обжалование немислимо.

...Несколько часовых поясов к востоку, исправительная колония, где отбывает срок Антон, её брат. Середина ночи. Ему снилось, что он опять обманывает мать, сказываясь приболевшим. Смеётся над её легковерием. Рядом сестра, она знает про обман, но не выдаст. Она всех соединяет, соединяет даже с отцом, которого он презирает. Он нуждается в ней так, что хочется вмиг вскочить с кровати, невзирая на последующее разоблачение, и ненавидит это желание так, что стискиваются, скрипят зубы; своей любовью сестра сковывает, мешает... Он проснулся резко, с колотящимся сердцем и ощущением пересохшего рта. И с точным знанием причины: от того, что во сне он что-то хотел сказать сестре. Что-то очень важное. Забыл.

8

Реальность? На этот раз реальность – это путь Павла Николаевича Фомина до парковки. Это осознанность носа, который на вдохе пропускает через себя морозный и сухой воздух.

Машина, видимая издали в отсутствии давно разъехавшихся по случаю пятницы нетерпеливых соседок, в свете неяркого фонаря показалась сиреновой. Наверное, она вольготно, крепко разоспалась, раз решила не заводиться: однажды выбрав курс на саботаж, надо его придерживаться. А иначе саботаж будет переименован в каприз.

Не спрашивайте про источник (я не выдам агента под прикрытием), но мне доподлинно известно, как будут развиваться события, если очкарику с приметным носом удастся разбудить мотор машины. Через двадцать пять минут, на скользком путепроводе она присоединится к столкновению грузовика с трамваем. Трамвай сошёл с рельс, а столкнувшийся с ним, потерявший управление из-за удара грузовик основательно подмял под себя серый внедорожник. Путепровод быстро украсился отблесками ведомственных машин; достаточно оперативно водителя внедорожника осторожно загружают в автомобиль скорой помощи.

Вместо этого Фомин решает отправиться домой на метро. (Машина отменно выправила эпизод. Режиссёр доволен. Что в том? Поощрение? Подстрекание?)

До метро можно добраться разными способами: проехать три остановки на трамвае или пройти по мосту через Вертугу. Примерно двадцать минут, если быстрым шагом. Но он выбрал самый короткий путь – путь по узкой тропинке, проложенной поверх льда. Замаскированное под рациональность прямой линии сопротивление канонам современного мироустройства. Так добирались до нужного места предки нынешних студентов и преподавателей в те времена, когда не изобрели метро, трамваи и автобусы. Как и предки тех предков. Когда их заботы зани-

мали оба берега, то неумение строить мосты, способные противостоять весеннему ледоходу, их ничуть не смущало.

Не принятый в ту призрачную компанию Фомин начинает с бодрого галопа. Однако несогласованное с предками уподобление, неподготовленность к их опыту и традициям несёт риски: зажатая в подмышке папка без ручек да нога, поставленная в снег мимо узкого утоптанного наста с последующим мягким, на правый бок, заваливанием в снег. Отряхнул папку, сменил галоп на иноходь, добрался до павильона метро, спустился по ступенькам в уже малолюдный вестибюль и доверился автоматизмам. Жетон в прорези турникета, поворот, шаг на эскалатор, правая сторона...

Резкие, равносторонние пощёчины морозного воздуха. Оказывается, вместо того чтобы остановиться на платформе и дождаться состава, он прошёл вдоль неё вперёд, поднялся по эскалатору второго выхода станции и попал опять на улицу.

Пришлось повернуться к большой светящейся «М» лицом и повторить попытку.

Несмотря на то, что пятничный час пик остался полностью позади, свободных сидячих мест в подошедшем вагоне не было. Вспомнилось: «Чуть-чуть инопланетянин». Так Евгений Курочкин, популярный ведущий городского телеканала назвал ощущение депутата областной думы, который впервые лет за пять воспользовался общественным транспортом. По причине своей инопланетности (для этого статуса ждать пять лет нет нужды) Фомин неудачно, нерационально выбрал ближайший кусок поручня и тем самым основательно, плотно перекрыл обзор сидящей пассажирке. Распахнутый каракуль поверх бархатного вечернего платья, брутальный блеск от нити крупного жемчуга, чёрные очки, шляпка с чёрной вуалью. Всё это он рассмотрел уже после того, как услышал выговор дамы: «Молодой человек, так невежливо – стоять спиной». Павел пожал плечами: «Не знаю... Во времена вашей молодости может и пялиться на соседскую задницу было не принято. Я тех времён не застал».

Лично я ничуть не удивлён теми словами. Локации своей Фомин не изменил вплоть до выхода через несколько остановок. Я отвлёкся, освобождая путь пробирающейся к выходу грузной пожилой женщине с тростью, и не отметил, продолжилась ли та беседа на радость соседям, и если продолжилась, то не слышал, как именно. Но когда после остановки вагона вновь стало тихо, то не пропустил, запомнил сарказм невинно рифмованного прощального пожелания даме с вуалью «доброе вечера пятницы среди людей без спины и задницы».

Не уверен, как правильно записать: то ли вопреки, то ли благодаря дорожным перипетиям моему спутнику удалось добраться до своего дома в три этажа и два подъезда.

9

Дома не живут ни одним днём, ни одним сезоном. К тому же, они сами выбирают свои локации в памяти. Со стороны подъезда дом Фомина летом прячется в плотных кустах шиповника и калины. Зимой выкрашенные в цвет неспелых апельсинов стены оживляют маленький скверик с голыми прутьями кустарников, что отделяет его от дороги. Окна фоминской квартиры на третьем этаже, за исключением одного, выходят на сторону, противоположную входу. Внизу, под ними – несколько взрослых лип. В слабом освещении, они сейчас угадывались авансом, в зелёной листве. Из окон, вперёд – вид на пустоватое пространство с вертикальными чёрточками молодых лип, высаженных на месте засыпанных фундаментов. Когда позволяет освещение, ничто не заслоняет вовлечённую в перспективу полоску пруда в отдалении. Летом пруд зацветает, в безветрие становится серо-зелёным, угрюмым и диким. Зимой, в светлое время суток, его лёд декорируется разноцветными фигурками, на коньках и без них, напоминая о старых картинах голландских живописцев. Тогда же, маяком фоминской ойкумены на заднем плане – чередование белых и красно-коричневых сегментов трубы теплоэлектростанции, её круглосуточный дымок. Который так и напрашивается на то, чтобы поименовать его «вечным». Словно поселившись поблизости от чего-то «вечного», получаешь шансы вкусить от него.

Вскоре после того, как стал жить один, Павел Николаевич сделал ремонт в квартире. (Кроме комнаты совершеннолетнего сына, где тот иногда ночевал, когда приходил.) В середине – традиционная комбинация столовой и кухни с выходом на лоджию. Такая же традиционная гостиная, чья обстановка с большим столом и длинным диваном предполагала именно приём гостей, хотя и дополнялась широким трёхсекционным книжным шкафом со стеклянными дверцами, высотой до потолка. Рядом комната с двумя окнами, которая служила гостиной до ремонта. Теперь это был кабинет, на всякий случай приютивший небольшой раскладной диванчик. В нём большой письменный стол с персональным компьютером и допотопной лампой, чем-то напоминающей цаплю, что высматривает внизу свою добычу. На столе раскладывались бумажные листы тогда, когда главнокомандующий желал видеть их все одновременно. (Иногда листы на нём не помещались, и пол в комнате начинал белеть прямоугольными сугробами.) Небольшая этажерка с простеньким, зато надёжным чёрно-белым принтером, который ни разу не зажевал бумагу; для профилактики Фомин иногда сплёвывал через левое плечо. Пара стеллажей с книгами и папками и пара непримечательных стульев с мягкой спинкой. Свободные зеленоватые стены, где посулы зелёного цвета разбавлены ещё более неуловимой золотинкой. Лишь посреди одной из них сейчас висела большая картина крымского художника. Со стороны моря отсвечивают фасады белых домов, большая белая церковь. И светило – полная южная луна, ирреальная для Нижнего Вяземска. Последняя, самая маленькая из комнат – спальня. До ремонта стеснённая обстановка кабинета была размещена как раз здесь, но не роптала. Сейчас в ней всего понемногу: шкаф для одежды, неширокая, но удобная для одного человека кровать и рядом маленький ночной столик. Вся мебель в квартире явно не из единого гарнитура, но в общей цветовой совокупности преобладает «светлый орех».

Павел Николаевич переделался, а точнее – облачился в домашний халат, удобный и нелепый. Его размер превышал любую попытку назвать крой халата свободным. Не установить, как он попал в дом. Вероятно, кто-то подарил его на день рождения, празднование которого Фомин в большинстве случаев устраивал в своей квартире, а потом халат долго-долго лежал в шкафу, пока не оказался заново открыт в одном из редких приступов энтузиазма по капитальной уборке. У любого здравомыслящего человека должно возникнуть изумление и, вслед за ним, размышление о неизвестных дизайнерах и маркетологах. Чем они руководствовались, когда запустили в производство изделие со стайками клыкастых зелёно-бирюзовых динозавров с развёрстыми пастьми да пучками становящихся на дыбы спортивных автомобилей с жизнерадостными мальчиками и девочками за рулём? И всё это буйство перемежается облачками, которые одушевлялись овечьими улыбками. Побуждение, начальный миг взметнувшегося замешательства. То ли попытка юмора, то ли глухая имитация сюрреализма. Трезвы ли были участники производственной цепочки? Впрочем, халат-то у них купили... Всё же, ткань была мягкой и в меру тёплой.

Фомин уверил себя, что в этом халате никто его не видел и не увидит. Почему-то упускал, что именно в халате не единожды открывал дверь рекламным агентам из какой-то псевдорелигиозной секты и бродячим коммивояжёрам. – «Божье слово! Картошка! Мёд!», «Мёд! Правда о боге! Картошка!». – Если первую пару-тройку раз он мотал головой в отрицании и захлопывал дверь, то в последующем решил восстанавливать равновесие: развлечение взамен отвлечения. Тем, кто торговал божьей правдой, грозил: «Да почернеет навеки твой картофель!»! Разносчикам картофеля обещал: «Да превратится картофелина во пчелу, да ужалил тебя!»! Медоносам же доставалось: «Да увянет карма твоя, аки падший ангел в сиропе!»! И не приходило ему в голову, отведённую под исполняемую роль, что лучшего облачения, чем эксклюзивный халат и быть не могло. Если человек за порогом делал попытку продолжить диалог, что чаще случалось с натасканными торговцами божьим продуктом, то Фомин не отклонялся от первоначального текста: «Да поразит твою картошку парша чёрная до конца времён!». И так далее...

Кухонный стол, холодильник, шкафчик. Ещё один шкафчик. Открыванию дверок, заглядыванию вовнутрь сопутствовали звуки, развязное листание слов:

– Я хожу по маршруту... Нет, я на марше. Маршировать, марширую. Ну вот, фарш. Фаршировать – я фарширую. Нет, не буду. Ага: блендер – блендеровать – я блендерую. Так, а вот пельмени – пельменировать – я пельменирую. – Нашлось у завёрнутого в халат носатика применение и орехам, пусть они и не попадались ему на глаза: – Орехи – замечательно! – ореховать – я орехую. А кабы слон в холодильнике водился, я его бы слонировал. – Так бубнил разошедшийся Павел Николаевич, словно подбирал специи к предстоящему ужину.

Электрический чайник начинал шуметь, через прозрачные стеклянные стенки просматривалось, как пузырьки воздуха фейерверками стартуют с его днища к начинающей сминаться поверхности. В этот момент заиграла мелодия, как если бы водный поток вместо того, чтобы ниспадать каскадами, наоборот, запрыгивал вверх, с уступа на уступ. Телефонный звонок, старательный труд анонимного композитора. Поздний звонок, означающий, отличающий только одного человека – маму. Она звонила на стационарный телефон – тот, который прикручен к двум медным проволочкам, хотя имелась альтернатива: огромный мобильный аппарат с торчащей антенной; всего через десяток лет Павел в шутку скажет, пожалеет, что не сохранил такой раритет.

Левой рукой он продолжил снимать с полкикоробочку с чаем, а правой прижал трубку к уху:

– Слушаю.

– Павлуша, здравствуй, мой дорогой!

– Добрый вечер, мам.

– Паша, хочу посоветоваться, тут предлагают купить соковыжималку, очень выгодно. Сегодня по дому ходили, предлагают с доставкой на дом.

– Мама, тебе нужна соковыжималка? Ни за что не покупай! Считаю, она у тебя есть!

– Ни в коем случае, это я просто так спросила... И вообще, заходи завтра, я наш борщ приготовила.

В голосе сына глухо и заметно переваливалась усталость, поэтому очень скоро они пожелали друг другу спокойной ночи.

Павел чувствовал лёгкое, лимонное пощипывание досады, но скоро она растворилась в размешивании серебряной чайной ложечкой сливок, добавленных в бокал с чаем. (Любимая ложечка была на несколько лет старше его самого.) Ну как тут противостоять неотразимому сочетанию женской непоследовательности и не испрошенного тотального прощения?! Крохотный изъян, напоминающий о искусственно забытом совершенстве родителей. Странно, будто всё правильно: Павел и звонил, и навещал. Не забывал про цветы и милые знаки внимания. Но не забить фактами какое-то шелушащееся, щиплющее, поклёвывающее чувство, сродни низложенной злости на себя. Что-то такое не сделал, что следовало сделать. И следовало не потому, что должен, а потому, что мог. Это «следовало» в очередной раз уворачивалось, подобно намыленному еноту в школьном автобусе. Это подобие становится правдоподобным, если знать, что Фомин с енотами никогда не встречался и не ведал о них ничего. Разве что кроме типографских оттисков на картинках.

То, что он не смог бы представить ни при каких обстоятельствах, даже в шутку – это чтобы наедине с мамой назвать её Зинаидой Емельяновной или Зиной.

Родом была она из Брянской губернии. Её отец, учитель в Поповой Горе, переименованной в тысяча девятьсот двадцать втором году в Красную Гору, умер так рано, что помнила только рассказы о нём, да хранила фотокарточку. Её мать зарабатывала стиркой, иногда пошивом. Две старшие Зинины сестры помогали. Хватало на еду и плату за комнату, одну на всех. Ей только-только исполнилось девять, когда мама умерла, и вскоре её определили в детский дом: других вариантов накормить едой не было.

Итак, ни дома, ни наследства. Зато сочинённая уверенность в том, что никто и ничто её не сломает. Принимает решение, что будет учиться. Дело в том, что там, где она жила, умение обращаться с цифрами и буквами считалось как полезным, так и достаточным. Зачем человеку, который освоил эти умения, учиться чему-то ещё? А действительно, как объяснить – зачем? Маленький ум Зины – загадочно самовольный ум маленькой девочки, способный видеть в книгах на полках местной библиотечки не многозначительную угрозу – неужели всё это можно и нужно знать? – а очередь из доброжелательных друзей и советчиков. Такая история весьма заурядна в масштабе человечества, но тогда в Красной Горе подглядеть развязку было не у кого.

Когда началась война, детский дом в полном составе эвакуировали в Нижний Вяземск. Сёстры остались, стали разведчицами в партизанском отряде. В тысяча девятьсот сорок третьем самая старшая схвачена немецкими солдатами рядом с охраняемым мостом и там же расстреляна. Вторая погибла месяц спустя. Зина узнала официальные подробности – дата и место смерти, награды – после окончания войны из письма начальника штаба партизанского отряда. Сразу после войны она – уже совершеннолетняя девушка без профессии и дипломов, но грамотная. Тогда этого оказалось достаточно, чтобы быть принятой на работу учительницей в сельскую школу в Гончарово, что на окраине Нижевяземской области. Платили пайком, а также выделили несколько грядок под огород. Состоялось обычное упрощение: ученики в школе стали звать её Зиндамельявна, а то и вовсе Зиндамелья.

Если использовать шаблонные, ничего не добавляющие выражения, которые подобно дёрну выстилают биографические описания, то «её характер закалился», «она не позволяла унынию брать верх», «ей был присущ врождённый оптимизм».

После замужества так и оставалась Зиндамельявной, учительницей начальной школы, к которой подбегали посоветоваться дети и, улучив момент, подсаживались пошептаться взрослые. К её мнению прислушивались. С той лишь разницей, что не в Гончарово, а в Нижнем Вяземске.

Похвальная наблюдательность вылепила образ киногероини, школьной учительницы, которая обращается к своим домочадцам бодрящим, повелительно-заразительным голосом: «А сейчас мы все пойдём и дружно поставим на огонь чайник!». Так вот: это абсолютно не про Зинаиду Емельяновну!

Овдовев, она потеряла бесстрашие. Кажущаяся необъяснимость этого изменения связана со сторонней очевидностью того, что именно ею создавалась защищённость близких людей. В свои восемьдесят лет радовалась сама и радовала умом, который не кусают надоедливые сиюминутные трансформации. Трансформации, подобные тем, каким подвержена тень заблудившегося человека в облачную и ветреную погоду. И уж точно, искать аллегорию капризности рядом с Зинаидой Емельяновной было по-прежнему бессмысленно. Однако сидело очень глубоко внутри это чувство, это знание о том, что времени осталось мало, что можно не успеть, не дожидаться... Отрицаемое, затаившееся чувство толкало под руку, заставляло неизменное прежде терпение предавать, понуждало выбирать короткий путь чаще, чем верный. Постепенно, но, увы, заметно поубавилась тонкость в общении: чуть меньше того, чуть меньше сего. Меньше игры, граней, подтекстов. Как изменения в любимом кулинарном рецепте: вроде ничего страшного в мелких недочётах, да и вкусно по-прежнему. А вот вкус-то не тот! Слова перестают быть удовольствием, остаются средством сообщения. Меньше интеллектуальных изысков, мыслеформы короче и шаблоннее; бесполезные, ничего не воспламеняющие искры простительного в своей моментальности самообмана: слова говорят лишь то, что сказано.

10

Сначала Фомин никак не мог заснуть, ворочался. Через какое-то время, морщась от только что включённого света ночника, встал и прошлёпал в гостиную, к книжному шкафу. Открыл застеклённую дверцу и почти сразу нащупал на уровне лица шероховатый томик

Фёдора Измайлова – толстый, но небольшого формата. Через прищур, по памяти – тёмно-зелёный. Раскрыл, как он любил делать, наугад; якобы случайно открылась страница, проторённая чередой предыдущих посещений:

*На тихом склоне ручеёк таится,
И тотчас под камнями исчезает,
Чтобы кому-то с благодарностью присниться,
Глотком и счастьем невозможной встречи обжигая.*

Неизвестно, когда пересеклись между собой Павел и зацепившийся было за меридиан сон. Снилось: они с отцом играют в шахматы. Почему-то на кухне. Окно открыто, чтобы выпустить из комнаты дневную жару. Оба в белых майках. На щеках и подбородке отца проступает отросшая за день щетина. Поздний вечер, скорей уж ночь, но они оба никуда не торопятся – так бывает у очень молодых людей, чьи мысли не подвержены фальстарту, не забегают в дела завтрашнего дня. Две мощные лампочки по сто ватт (номинал сновидца) направлены плафонами в потолок так, что фигуры на доске не имеют теней.

Безличное лужанье шахматных разговорчиков-прибауток, сопровождающих ходы. Это не текст, слова игроками не произносятся, а как-то сразу знаются:

– «А я тебе вот такую свинью, то есть слона, подложу...», – или: – «Опять за ладью спрятался? Страшно?».

Кто бы сомневался – именно отец был его первым шахматным учителем, хотя сам не очень стремился играть. Для Павлика же редкие игры с ним были ясным счастьем.

После войны и до демобилизации отец служил в части, командиром которой был большой любитель шахмат. Тот командир организовал среди подданных своего ханства регулярные шахматные турниры и приказал участвовать всем. Кто умел играть – учил других; кто-то обращался к самоучителю. Про последствия неучастия в турнирах ничего не сказано. Но в контексте отцовских рассказов сновидец ведаёт, что отказ от игры будет чреват не игрушечными, а биографическими последствиями.

Глава вторая

1

Последовательные и параллельные, центральные и периферические, витальные и минеральные события жизни Павла Фомина значительны не по рангу, а по сущности – подобно тому, как выделены по отношению друг к другу сон и бодрствование в сутках. Различие, а не противопоставление, как, например, деление их на значительные и незначительные. События прострочены астрономическими нитками – один год – пятьдесят две недели – семь дней – двадцать четыре часа – и пришиты этими стежками к пометкам в прямоугольнике удобного еженедельника.

Неизвестно, где оставлен тот его день, который последовал за шахматным сновидением.

Слова об искренних сожалениях по этому поводу подразумевают сожаления альтернативные, неискренние. В связи с этим следует заявить, что с того дня прошли три месяца, в течение которых в жизни Павла Николаевича было много чего интересного. Существо и телесность этого интересного не вставлены в оправу беседы и потому останутся недоступными. Тогда резонно уточнить, на чём же основано окрашенное положительной оценкой указание на интересность? А что, если сказать обратное; если сказать, что эти три месяца изжизни не представляют никакого интереса? Смехотворно – использовать заданные кем-то каноны или медийные критерии для оценки жизни. Смешно до икоты.

Не Фоминым заведено, и не ему отменять увязку всего живого с временами года. Обыкновенное дело, когда кошачья хозяйка или гуляющий на поводке большой друг собак выразительно, с экзальтированным ударным восклицанием сообщают своему визави – сапиенсу, что тот – «животное»! Такое замечание необходимо, прежде чем сообщить, что Павел Фомин ничем не отличался от множества соплеменников-животных: его бытие являло собой подъём скалолаза, который закрепляется в опорных точках: зима, весна, лето, осень. Вновь зима... Безальтернативно и однонаправленно: вперёд, к цели, обусловленной хронической принадлежностью к биологическому виду! Поэтому, мало удивительного в том, что не сохранились наблюдения о его жизни вплоть до конца весны.

Май уже честно отработал черемуховые авансы и кое-где срежессировал выход зацветшей сирени. Её запах проталкивался сквозь узкое горлышко демонстративно-хмурой повседневности. Запах скользкий, узнаваемый, возвращающий. Принято считать, что весной люди более влюбчивые. Натуры романтические призывают верить, что в весенней природе, частью которой они являются, обостряется чувство прекрасного. Тогда как люди посвящённые, люди из клана познавших всю правду жизни, убедительно настаивают, что весеннее влечение есть лишь животный атавизм, сезонная организация репродуктивной сферы с лучшими условиями для взращивания приплода.

Павел признавал за собой феномен весенней влюбчивости. Единожды, развлекаясь обычным для себя образом, пожонглировал схваченными впопыхах фактами и остановился на объяснении, которое посчитал правдоподобно достойным единогласного голосования: на женщинах становится меньше одежды. Они более свободны и естественны в движениях, более чувствительны к взглядам, вбирают и отражают эти взгляды, порождая тем самым всё новые и новые импульсы для приближения. Следствие и причина переплелись в цветочном венке, в цепком хороводе.

Именно такой, обыкновенный весенний четверг был и на этот раз. Середина дня. Фомин принял зачёты у студентов и теперь, с заново открытым для себя удовольствием от тёплой полетнему погоды, медленно направлялся к корпусу, где находилась университетская клиника. До начала назначенного клинического разбора имелось более полутора часов.

Маршрут от факультета до клиники устроен весьма замысловато. То есть, не прямолинейно. Но и без лабиринтомании. (Травалатор ещё не запустили, а оборонительные рвы уже засыпали.) Начало нарядное: длинный, метров на двести, просторный бульвар из вязов и сирени, прячущей белые скамейки с краснолицыми от солнца студентами. Бульвар спускался к площади с начинающим зеленеть памятником. Грузный воин с подзорной трубой и в треуголке верхом на боевом слоне, экономно уменьшенном до размера крупного ишака – адмирал, князь Корнелий Горчаков-Пиренейский. В начале военной карьеры, во время Второй Пунической войны князь вместе с Ганнибалом перебрался через Альпы, а на службе у Российского Императора привёл к победе русский флот в судьбоносной битве у Канарских островов во Второй Русско-Испанской войне. (В первой кампании не участвовал, так как был подвергнут опале за самовольную чеканку дукатов на серебряных рудниках Древнего Рима в Серро-Колорадо, выгодно приобретённых вскоре после падения империи.) Смягчению его участи способствовало заступничество императрицы, которая на протяжении многих лет с энтузиазмом присутствовала в судьбе князя. Она просила принять во внимание, что хождение серебряных монет ограничилось поместьем князя. Так оно и было: Горчаков-Пиренейский запрещал вывозить дукаты за пределы своих владений, очерченных береговыми линиями Средиземного моря с одной стороны и Бискайского залива – с другой. Нижний Вяземск долго оставался одним из немногих городов России, к истории которого князь не приложился; вплоть до торжественного восстановления справедливости Шварццемяккиным. Несколько лет назад «самый известный российский скульптор» – таков консенсус крупных информагентств – Иоганн Шварццемяккин сделал городу «предложение, от которого нельзя отказаться»: подарил памятник адмиралу собственной работы.

После площади надлежало круто повернуть направо. На протяжении примерно тех же двухсот метров эта часть пути являла неприятности, которые мегаполис может предложить без согласования: узкий тротуар без единого дерева вдоль стены четырехэтажного здания без подъездов и с запылёнными, давно не мытыми окнами. Окна первого этажа закрыты давно не крашенными железными прутьями. За ещё более узким тротуаром по другую сторону разбитой дороги установлен синий строительный забор из металлических профилированных листов.

Забор стоял метрах в пятидесяти от берега Кады, притока Вертуги и закрывал её от прямого взгляда. Забор отпраздновал своё десятилетие, и на его синей памяти никаких работ между ним и рекой не производилось. Пока общественности предлагались противоречивые версии будущего этой территории, пространство от забора до реки обжили многоцветные кошки. Судя по всему, им хватало пропитания на своей территории. (Крысы?) В тёплое время года откровенные этюды кошачьих взаимоотношений, отчаянные и торжествующие, достигали монокультурного прохожего и, вибрацией от кисточек ушей до хвоста, выдёргивали его из припорошенной цивилизованностью оболочки.

Забор, пребывающий в антологии городской поэзии в сомнительной рифмованной связи с «позором» и «Навуходоносором», был обильно изрисован граффити. Не только снаружи, но и с внутренней неокрашенной стороны. Вследствие и по причине отсутствия пары секций. Рисовать приходили семьями: это не какие-то там окраины, а всего в тройке километров от Нижевяземского кремля. Брешь в заборе открывала забавную двурядную перспективу: на берегу реки, здесь шириною метров в тридцать-сорок, сидели в ряд сосредоточенные художники с мольбертами и запечатлевали симбиотический ряд сосредоточенных рыбаков на противоположном берегу.

Фомину пришлось замедлить и без того неспешный шаг, когда ярко раскрашенный экскурсионный автобус с высоко расположенными окнами опередил его и, тяжело вздохнув тормозами, остановился чуть далее пролома в естественно сформированный анклав. Через открывшуюся дверь автобуса, с ликованием поверх уличного шума начали выгружаться на асфальт туристы из Центрально-Барбитанской республики. Они тотчас принялись за энергическую

гимнастику для своих туловищ, чередуя это занятие с отлавливанием друг друга в фотообъективы на фоне граффити. Павлу пришлось спуститься с лирического облака на тротуар, чтобы изобрести путь между ними и пройти, наконец, к калитке рядом с закрытыми воротами.

По другую сторону калитки изогнутая в плавную дугу и вспученная от древесных корней заасфальтированная дорожка привела к безлюдному и сильно затенённому большими клёнами скверу с крошечным газоном посередине. За ним дорожки расходились: поворот на развилке направо направлял к торцу жёлтого здания, где уже второй год находился вход в клинику. Табличка на входе отсутствовала, так как боковая лестница в торце была распечатана временно, до окончания ремонта главного входа.

Для данной долготы и широты не было ничего необычного ни в безлюдности середины дня, ни в том, что к Фомину обратилась с вопросом о дороге к клинике стоящая перед развилкой молодая женщина среднего роста, лет тридцати – тридцати пяти. Точнее сказать затруднительно: открытая по-летнему розоватая нежная кожа без единого изъяна – не смуглая и не бледная – только усиливала впечатление, ощущение молодости. На ней – светло-бежевый сарафан на тонких бретельках из лёгкой ткани поверх ярко-белой открытой блузки с короткими рукавами. Гладкая светлая заколка удерживает собранные у затылка тёмные волосы. Ключицы рельефно заметны, однако, подобно заколке, закрепляли зримый вердикт об идеальном сложении при отсутствии мышечно-спортивных признаков искусственности. Крошечные следы порывистости, неровного темпа, намёк на угловатость: в движениях, в голосе. Но это не угловатая неуверенность подростка, что поднимается на готовую осыпаться песчаную дюну между детством и взрослостью. Когда ему гомункулус внутри нашёптывает, отвлекает, толкает под руку; словно требуется непрестанно с ним договариваться, указывать ему положенное место в конуре. Нет, уж если сравнивать – то это краткое замешательство хозяина, только что обнаружившего неподобающее поведение верного пса, короткий миг перепроверки, но никоим образом не сомнение в своей способности настоять на своём.

Другие детали, являющие женщину на развилке, в настоящем не имели смысла. Павел, единожды направив взгляд на лицо, в последующем имел фантастическое убеждение, что непрерывно смотрел в её глаза те несколько минут, пока они шли рядом. Глаза – восторженное ожидание чуда! Апологеты приземлённости – будь то врач-материалист или опешляющий всё поручик Ржевский из анекдотов – не преминул бы заявить, что сия восторженность является самым что ни на есть заурядным следствием избыточной активности щитовидной железы. И тот, и другой абсолютно бы ошиблись: секретная особенность пары глаз с коричневой радужкой объяснялась тем миром, который она тщательно вбирала, впитывала! Сочиняла окружающий мир подобно художнику, а не копировала его, начиная с того времени, когда вдруг стали увеличиваться груди, когда вдруг обращение к ней с «девочка» тотально стало меняться на «девушка». Этот мир был достоин восхищения хотя бы потому, что был ценим ею. И заражал бесчисленностью красок, звуков, запахов, и завлекал, подманивал к себе своей непознанностью!

Фомин проводил её до двери кабинета главного врача клиники. За целых три минуты прояснилось, что спутница – Анна Рейнер, журналист. И здесь она потому, что есть договорённость об интервью.

Дифференциальный диагноз между оптической иллюзией, физиологией зрения и чудом. Полчаса с того момента, когда он пожелал ей доброго дня оказалось достаточно, чтобы поставить диагноз подтверждённый: учащённый пульс, отсутствие внутреннего диалога и, наоборот, присутствие Анны на внутренней стороне век. При открытых глазах она продолжала улыбаться рядом. Как такое может быть, что улыбка в лице – в глазах ли, в губах – остаётся живой, не иссушивается статичными минутами? Не подлежит препарированию. Как ритм хронометра, как сердечный ритм.

Аналогия с аритмией, извлечённая из пресса для изготовления гербария: пропуск между двумя событиями длиной почти в час. Достаточное время, чтобы договориться с коллегой о замене, заглянуть в обезлюдевшую приёмную главврача и торопливо, моментами срываясь на пробежку, устремиться к единственной поблизости остановке маршрутного автобуса, в противоположную от бессмертного адмирала сторону.

Как призналась она в благословенном «потом»: «Я шла, оглядываясь». Пропустила один автобус, увидев его издалека. Признание поверх, что он вовсе и не к автобусу направлялся.

Преимущество заполненного автобуса, близость, когда выбор без выбора: либо – глаза в глаза, либо – в перламутровую кожу. Конечно, она достаточно перламутровая, чтобы думать об инопланетянке и достаточна, чтобы отдалиться, отделиться световыми годами от земных пассажиров. Эта перламутровость завораживала и завораживала, утягивала за собой и, наконец, поглотила его:

– Я собираюсь сказать нечто такое, что будет странно звучать с обращением на вы...

Автобус притормозил, но мог и не тормозить – она уже всё знала: из числа тех женщин, что выходят из морской пены сразу в совершенстве необходимого знания. (Не всезнайство!)

– Мы можем перейти на ты.

– У тебя кожа перламутровая... А глаза твои – медовуха... – Так и сказал: «медовуха», а не мёд. Ему довелось пробовать много чего: и ром, и шнапс, и текилу, и ещё что-то, чего не припомнить – за исключением медовухи. Воспоминание о сплаве на лодке по уральской речке, где друзья отправились в деревню за хлебом, а Паша остался на берегу. Друзья вернулись в наиполнейшем счастье, наполненные медовухой и рассказами о ней, но без неё.

Они придумывали потом. И каждый потом говорил, что уже знал всё, что будет потом.

А сейчас «ты» соединило стремительно, проникновенно.

– У тебя есть дела, которые нельзя отменить?

– Что ты собираешься делать завтра?

– Я собираюсь открывать глаза и видеть тебя...

(Сказанное одновременно – естественный хор?) Глаза в глаза – никто не отвёл.

Они сошли, как только открылась дверь. Два длинношеих аномальных подсолнуха, подозрительно повернутых яркими дисками друг к другу посреди низкорослого зеленеющего поля.

Путь до ближайшего отеля. Мимо замученной тётки с двумя сумками и двумя пакетами – по одному комплекту в каждой руке. Замученной, всё же, не до конца: когда они поравнялись, то женщина приостановилась, застыла, застигнутая врасплох проникающим излучением, аномальным сполохом северного сияния поверх светового дня.

Невозмутимый администратор за стойкой. Такая же невозмутимая кровать.

Раздевание медленное, ещё медленней. Медленное соревнование – это кто медленнее. Клавиши позвоночника. Кончики, подушечки пальцев прикасаются к клавишам. Неправда: только одна подушечка среднего пальца, тогда как два других – справа и слева – только теплятся от соседства. Накрывает первое прикосновение парящей над прохладной стремниной ладони... Пальцы, ладони другого человека, необидно минуя доступные и парикмахеру волосы, освобождают, опоясывают виски, открывают и согревают затылок. Берут и не отпускают. Впервые – проникновенность первого поцелуя... Открывание, открытие.

Содрогание. Изберёт ли мим-сурдопереводчик способ рассказа про дрожь двух человек на морозе, либо предпочтёт показать непроизвольное вздрагивание от неожиданного громкого звука, от треска падающего дерева за спиной – в обоих случаях получится непростительная примитивная ложь подстрочника. Прав будет тот переводчик, что не поддастся соблазну подстрочника и расскажет о резком, без разбега, прыжке в нисходящий поток водопада. Прыжке, длящемся внутри потока. Водопад Анхель подойдёт для этой цели более других.

Беспечные догонялки коротких вопросов и смеха... Интрига наполненной дыханием тишины... Время для засвидетельствованных улыбкой ответов и короткого отдыха...

Вероятно, заснули они почти одновременно, без поясняющих слов – тогда, когда четырёхугольник окна за тонкими шторами начинал подсвечиваться пунктуальным восточным постояльцем.

Стоило им заснуть, и последовал отсчёт по вертикали, неизменно вверх, перпендикулярно линиям на удаляющейся планете. По мере отдаления, сначала перестала быть различной родинка на чьём-то плече. Далее, по очереди, теряются из виду подрагивающие ресницы и капелька пота на лбу, не имеющая сил скатиться на подушку. Не различимы ни живот, ни ягодицы. Ни природная смуглость, ни белизна фарфора. Ни мужчина, ни женщина. Нет уже ни стен, ни потолка. Наступает последний, короткий миг, когда можно скорее угадать, чем разглядеть отпущенную нитку раздвигающей город реки, сиреневой на рассвете.

Но две замкнутые в безупречном изумлении жемчужины остаются хорошо различимы на бархатно-угольной подложке ювелирного мироздания. Для жемчуга расстояние – не главное. Так, в глазах, резко прикрытых после яркой вспышки, вызванной непредусмотрительно зажжённой в темноте спичкой, сама вспышка продолжает жить...

...Что с Павлом Николаевичем Фоминым? Что это было, что будет? *происходит*

Несмотря на разницу в возрасте (оказалось, что Анне – тридцать пять) перламутровое знакомство устроилось для них при зеркальных обстоятельствах: огни прежних привязанностей погашены, а координаты утрачены; развеяны над непроходимой тайгой обязательства тех отношений. И уж дождь и ветер разнесли в эталонное никуда золу минувших любовей и склонностей.

2

Стоит лишь поддаться врождённому стремлению следовать от загадочной полуистины к увёртливой истине, и – необходимости исторического расследования не избежать!

Из материалов следственного дела сразу следует вырезать подростковые грёзы, подстрекаемые распухшими половыми железами подобно тому, как корни весенней берёзы, не считаясь с потерями через топорную прореху в коре, мчат сок наверх, к почкам. В школьные годы Павел и ещё один мальчик, натуральный грузин, стали бриться первыми среди одноклассников. Снабжённый зримыми атрибутами мужественности на щеках и подбородке, Павел первым из класса был призван на срочную службу в армию. Первенство обусловлено не атрибутами, а возрастом поступления в школу. К тому же, он не поступил в учебное заведение, что давало бы отсрочку. В последний школьный год за всеми мыслимыми пределами его воображения – будущий отказ намерениям жизнелюбивой и распалённой женщины с синими глазами морской сирены, которая недвусмысленно проявит своё желание, тонкая кисть которой уверенно пристроится и найдёт пристанище на бедре мужчины и... В тот подростковый год у него отсутствует способность представить, что отказаться будет легко. И всего-навсего потому, что не хватило между ними чего-то «волшебного».

...Больше года прошло с последней встречи Павла Фомина и Риты Горенко.

Важно для понимания именно нашего, современного Фомина, что связи скоротечные, секс одноразовый – не про него. И дело не в каких-либо принципах, прописанных в библиотечных скрижалях; из тех, что заранее пошиты и подготовлены для демонстрации на нравственном подиуме. Дело не в «Принципе» с большой буквы, который покровительственно и многообещающе подмигивает вассалу всякий раз, когда тот пользуется зеркалом. Всё проще: он такой, никакой специальной заслуги здесь нет. Везунчик. Хотя маловероятно, что такое самоопределение приходило ему на ум.

Из армии Павел вернулся. Многозначность этого частого слова роднит его с полной бессмыслицей, так как вызывает необходимость многосложного истолкования. Зато очень определённо у него оттаял осязаемый и конкретный интерес к жизни, прихваченный двумя рефрижераторными годами за забором воинской части, где-то ветшающим бетонным, где-то подгнивающим деревянным. Там, где заплатам было не за что уцепиться, просто натягивалась

колючая проволока. Для большего подобия в картине не хватало вышек с часовыми. *повзрослевшим*

Интерес к жизни побуждал к общению с бывшими одноклассниками. (Банально: если бы и те пролежали в морозилке меж двух календарных лет, то посредством оттайки потеря аннулируется, все акторы уравниваются!) Встречался не только со своими друзьями, вопреки прежнему избирательному делению младосверстников на друзей, врагов и пустоцвет. Последнее определение – предтеча сленгового слова «овощ». (Ботанические ассоциации – самомнение людей, склонных без достаточных оснований полагать превосходство животного мира над растительным и даже присваивать ему властный статус. Власть поверхностно убедительная, квазинеоспоримый вывод на основе наблюдения, что человек с топором способен срубить дерево.)

На одну из вечеринок у кого-то дома пришла Рита.

В стародавние школьные времена вожаком она не была, училась, мягко говоря, не блестяще, хоть была «крепка и быстра умом». Эти её качества востребовались не один раз в сложных школьных ситуациях: таких, как коллективный прогул или противостояние с классным руководителем. Скорее всего, в её семье будущее благополучие дочери виделось сквозь догму замужества, а не через колики примерной учёбы.

Если прежде она помнилась безальтернативно как невысокая девчонка, то сейчас, на этой вечеринке, у Павла возникла короткая запинка в подборе слов для описания: между «лилипутка» и «миниатюрная женщина». Быстрое сканирование отклонило первую, несправедливую ассоциацию, ибо от «лилипутка» расстояние в половину ногтя до «карлицы», с указанием не только на размер, но и на аномалию. У Риты же, от бюста, ясно прорисованного под тонкой трикотажной блузкой, до бёдер, также выделенных тонкими брючками, все пропорции соответствовали притязательным стандартам женской притягательности. Обыкновенность лица – так и хочется сказать – была подчёркнута. Такое иррациональное ощущение возникало, когда приглашённый Ритой зритель запутывался, терялся между широкими, слегка на выкате зелёными глазами за изгородью длинных подкрашенных ресниц и яркой помадой в облицовке губ. Губы иногда шевелились сами по себе, создавая впечатление текста и понуждая прислушаться. В целом, от Риты исходило обманчивое ощущение безопасности, поэтому начинающий практикант в чтении по губам сочинял в голове свой собственный, выгодный для себя смысл послания. Тёмные волосы, ближе к чёрным, достигали плеч, что, как выяснилось позже, позволяло достаточно часто менять прически. Вольноопределяющийся психоаналитик способен усмотреть в частой смене причёсок нестабильность и поиски себя, но всё прозаичней: Рита полагала, что так она посылает мужчинам сигнал о загадочности. Согласно распространённому в местах Ритино обитанья женскому поверью, мужчина должен тотчас броситься на разгадку, как хищная рыба на сверкающую блесну. И действительно, смена причёсок надёжно стимулировала активную поклёвку, если мужчина находился в фазе жора, говоря рыбацким языком. Рита была не просто непоколебимым носителем подобных убеждений об эффективном обращении с мужчинами, но и охотно их распространяла для своих подруг, приятельниц и соседок, когда заходил разговор о нюансах приватной жизни.

Как водится, бывшие ученики семьдесят третьей средней общеобразовательной школы Нижнего Вяземска выстраивали между собой измерительную иерархию.

Статус Риты среди одноклассников был высок. Для неё два года – достаточный срок для того, чтобы не только выйти замуж, в чём не было ничего исключительного, но и поступить, ко всеобщему удивлению, на экономический факультет. А также родить дочь. Статус Паши усиливался тем, что он был единственным «войкой» в компании. Настолько сильно, что его самомнение лакомилось ощущением своей исключительности. Однако, ему хватило толики мудрости не подчёркивать своё «превосходство», а только черпать из него.

Их взаимная симпатия имела свою детскую предысторию. Паша запомнил одну из драк, коих в старших классах случалось немало. Два его давних оппонента на этот раз забыли

о своей индивидуальности и скооперировались между собой для выбивания окончательной победы. Ритка остановила бесчестную пару нарушителей «цивилизованного способа ведения войны». Конечно же, она не использовала силу, ибо, как упоминалось, росто-весовые характеристики не являлись основополагающими в её природной конструкции. Что-то она такое сказала; но подействовали не сами слова, а решительность, готовность зайти в своём негодовании в такие дали, которые ей самой были неведомы и потому крайне опасны непредсказуемостью. У Паши было естественное облегчение от прекращения драки с малоприятной перспективой. Но не благодарность. Заступничество девчонки нарушало каркас мальчишеского самолюбия. Тем не менее, надо отдать должное тому мальчишке, и обесценкой он не соблазнился. Уважение к Рите укоренилось не в рыхлой почве заступничества, а в скальных осыпях решимости.

Та давняя, «послевоенная» вечеринка не имела иных последствий, кроме как явности взаимной симпатии, подтверждения. Много лет спустя, когда они стали близки, Рита рассказала о своём школьном воспоминании.

Канва его общедоступна. В художественном музее прикладного искусства, куда класс отправился на экскурсию, обнаружилась пропажа какой-то фарфоровой уточки. Посредством привлечения житейского опыта, который, понятное дело, у детей отсутствует по определению, стоило бы задуматься: а когда именно была совершена кража? Но тогда подозрение упало на нескольких человек, ушедших из музея раньше остальных; раньше, чем дряхлая смотрительница разглядела пустоту на месте преступления. В числе подозреваемых оказались и Паша, и Рита. И со стороны учителей, и со стороны родителей прессинг на всех участников экскурсии был очень сильный. Из страха и дабы отвести угрозу от себя дети стали подыгрывать взрослым и выдвигать версии относительно возможного кандидата в злоумышленники. Подозрения направились на Риту с концептуальной лёгкостью из-за того, что она не появилась в школе на следующий день, заболела сразу после экскурсии. Паша категорически не поверил, что Рита могла что-то взять. Он не только не последовал общей тенденции, но ещё и приврал: сказал, что они с Ритой всё время ходили по залам рядом и видели друг друга. Нарциссически полагал, что его слова имеют вес. В угаре (так будет точнее, чем сказать «в процессе») учительско-родительского расследования эти слова дошли до Риты. Когда Пашино враньё и его значение добралось до больной, – «Мне стало тепло-тепло, и я выздоровела за один день, вот как!».

Попытка вспомнить, какое из этих двух событий случилось раньше – рукопашный бой на троих или утиная телепортация – ни к чему не привела.

За те годы, что последовали за возвращением Фомина в гражданскую ипостась, они несколько раз встречались при схожих обстоятельствах. Всякий раз радостно улыбались друг другу и даже танцевали. Танец с напряжёнными руками, жесткими ногами... Обоюдная неловкость, неуклюжесть, несвойственная им в другое время. Слышится, как желание перебирает копытами и цокает по рёбрам в грудных клетках партнёров.

Обоюдное бессловесное соглашение беречь черту. Нерушимость границы. Пакт о ненападении. Отказ от идеи совместного ужина. И даже от такого дипломатического подвоха, как предложение выпить обеденную чашечку кофе вместе.

Под поверхностью, под поверхностными словами Маргариты протекал поглощавший её мощный, полноводный поток женской заботы о доме, о семье, о будущем дочери... Иссякли встречи одноклассников... Нельзя сказать, что вследствие этого – другие причины выглядят существенней – но они не видели друг друга много лет... Павел остался один в две тысячи третьем; его сыну тогда было шестнадцать. После того год ли не успел миновать или прошёл почти целый год прежде, чем они с Ритой встретились вновь. Уж если и уступать в том, что «случайность» имеет право на место в словаре, то самый подходящий момент: Фомин заключил договор на проведение управленческого тренинга в региональной компании, где Маргарита прочно обосновалась в отделе по работе с персоналом, о чём знать он не мог. Его остов, его круп, по расхожему верованию полностью обновлённый за те два десятилетия, что они

не виделись, подвергся тотальной шоковой процедуре: так подействовало обнаружение константы в облике Риты.

После работы она без колебаний приняла предложение подвезти её.

С пассажирского сиденья: Рита переехала в другой район, у неё умер отец, у неё родилась вторая дочь, она развелась, она много бывала у мамы; мама помогала заботиться о младшей дочери. Она говорила много, а то, о чём не говорила, расспросов и не требовало. Тихое призовое «угу» завизировало пряный поворот, изменение в первоначальном маршруте.

Это был единственный раз, когда они оказались вместе у него дома. Рита разглядывала книги за стеклом шкафа:

– О, сколько книг... Обожаю Забровского... А тебе он нравится? – и, пока Паша собирался что-то ответить, – нет, я не хочу пить чай, – и коротко прикоснулась своими губами к его губам. Отстранила его руку, когда та, расстегнув верхнюю пуговку на её блузке, перебралась ко второй. Она первой забралась под одеяло – но не быстро, да и не страстно. Скорее мягко, будто согреваясь под ним. Мягкие прикосновения этого вечера, мягкий вечер... Штиль у мыса Горн, штиль на стыке двух океанов. (Доступная метафора для тех, кто отродясь там не хаживал.) Ложась, она ничего не говорила. Хватало рук, поворота и запрокидывания головы, покачивания ног. Хватило скольжения карамельных животов, обживания леденцовых спин.

В последующем определилось: особенностью Риты было то, что она не выказывала явственной инициативы. От неё не исходило никаких эротоманских идей и экзальтированных побуждений. Или почти никаких. Пусть это будет преувеличение, но суть его верна: не так, чтоб у неё не было предпочтений, а так, что она предпочитала всё, что имелось; всё, что тотально оказывается доступно. Её стилем было не отдаваться, а принимать. Как принимала она изящество маслины в греческом салате и безупречную корочку постного стейка, когда официант опускал их со своего подноса на поверхность углового столика рядом с подсвеченным декоративным фонтаном.

Нет, это не означает, что в её лексиконе слово «хочу» отсутствовало: «Паш... Как хочется красного вина...». В такой момент Фомина никак не смущало, что у Риты и полмысли про него не было. Не смущало, что она одинаково знает о его любви к сухому красному вину и о его принципиальном отказе от алкоголя тогда, когда ему, как в этот раз, предстояло вести машину.

У неё было ещё много особенностей. Это совсем не про певуче-мяукающие нотки, которые поднимаются из скромной области между шеей и подъёмом груди Риты: «А вот мои особенностями... Как насчёт моих особенностями... Очень особенностями...». Алхимическая придурь ли или обёрточная академическая нежить, что вот такого рода особенности и образуют сухой остаток чувства собственной уникальности? Мысль эта плоская, сродни листовке с уведомлением о предстоящем счастье, пропущенной разносчиком рекламы через узкую щель поцарапанного почтового ящика.

За мягкой, тихой встречей «под одеялом» последовали другие: частые, нетерпеливые. И всегда не в своих домах. Отказ встречаться дома у него или у неё, вскользь и коряво объяснённый ею страхом привыкнуть. Отель и глаза администратора (что такого там можно увидеть?) тоже не вызвал у Риты энтузиазма. Причина отказа? Почему? Казалось бы, вот два совершеннолетних человека без брачных партнёров. Но приверженцам рациональной практичности в данном пункте лучше просто прикрыть глаза. Оставив этот пункт не проговорённым, они по умолчанию согласились с недопечённым объяснением – их дети.

Совпадение нашлось в стремлении не вовлекать в свои отношения других людей. Проект по имитации необитаемого острова. Когда у Фомина взяло верх намерение «оглянуться», понять происходящее, то сначала, первым, появился образ в житейской расфасовке: прятаться в бутылку. Но образ оказалось трудно приспособить куда-либо, так как повсеместное осуждение длительного запоя вынуждает алкопротагониста подводить под себя недолговечный пьедестал героизации для поддержания склизкого равновесия. А в их с Ритой отношения геро-

изация никак не втискивалась. Однако ограничение, узость, узкое горлышко здесь налицо – это он признал, перенёс этот элемент из житейского бутылочного образа. Но, тогда, это никак не демонстративный взрыв недостаточно охлаждённого шампанского, а ускоряющийся, но управляемый подъём обещаний кофейной шапки в сужающемся горлышке джезвы. Ландшафт чувственности, застеленный многослойным лирическим эпосом. В исполнении Павла и Маргариты слепки трагедии, комедии и даже фарса утолщали стены «башни из слоновой кости», перестроенной под двоих.

Часто, особенно когда было тепло, их встречи начинались с прогулки. Говорили о разном, рассказывали истории из своей жизни, но каждый знал, что наступит тот самый момент. И каждый ждал, что он наступит. Нельзя сказать, что близящаяся вспышка, вспышка близости случалась всякий раз в новых обстоятельствах: надо обладать талантом сценариста и большим бюджетом для сериала, чтобы культивировать новизну. Тем не менее, акт страсти разыгрывался в разнообразных декорациях; иногда благоразумие со стоном вминалось в землю под овладевающим натиском плоти. Вероятность появления нежеланных свидетелей Риту никак не стесняла: то, что ещё не случилось – не существует; риск – абстрактное существительное.

Однажды Паша с Ритой приехали на окраину города, в парк, что от русла Кады плавно поднимается по склону: зарастающий, запущенный, с несколькими пережившими вандалов скульптурами. Ветшающий дворцовый флигель, давным-давно законсервированный до лучших времён, небольшая ниша в его ослепшем фасаде. Перед нишей плотный кустарник сирени, ещё не зацветшей, но заблаговременно развернувшей полог из свежих светло-зелёных листьев. Меж стеной флигеля и переплетением кустарника – краткий промежуток, минута, когда они уже преодолели минимализм всех необходимых приготовлений и, казалось бы, уже ничто, никакой из мыслимых природных катаклизмов не способен остановить наслаждение. Минута, когда лишь полное обесточивание мозговых механизмов, требуемых для осуществления сравнений, гарантирует иллюзию абсолютной уникальности этой минуты.

И в это время... Нет, ничего особого, если не считать, что по зарастающей дорожке, где местами проглядывали островки красной кирпичной крошки, проходили две сестры. С расстояния в полтора десятка метров одной из них на вид казалось лет восемнадцать, а другой – лет десять. Старшая, Горгона Демиопа – жертва и палач, петля и табуретка. (Родители записали её Георгиной; Горгоной её нарекли в школе.) Имя младшей неизвестно. Также, не разглядеть, кем она станет.

– Ой, наверно там белочки, – рванулась к близкому кусту сирени младшая.

Её предположение вполне понятно; парк и белки – сожители по цивилизации.

С длинным замахом Горгона приложилась оплеухой. И со злостью, нанизанной кольцами на переходящий в ненависть, шипящий визг, как на шампур, проорала: «Заткнись, дура, не твоё дело!». (Громкий шипящий крик, прижигающий слёзы – как не окаменеть?)

Совсем рядом, близко— человеческая трагедия, куда более непригодная быть публичным достоянием, чем обнажённость человеческих тел вне преуменьшенных в камне пропорций парковых скульптур, что так влекли к себе озабоченных бездельем вандалов. Злоключение Павла металось, свершалось в замкнутом объёме тотального бессилия, пожравшего гнев: он не смог представить, как выйдет, накидывая одежду, застёгиваясь на ходу, и что сделает в защиту маленькой любительницы белочек... Подходящие декорации пошлой связи всего сущего. Между облезлым фасадом разрушенного дворца и окаменелостью безответной оплеухи...

...Как-то подсказка из романа французского лауреата привела их на крышу старого восьмизэтажного жилого дома почти в центре города, на ту её сторону, с которой была видна главная городская площадь.

Как сообщали путеводители, город основан баскскими переселенцами на семи холмах. По факту их было только шесть: насаждалась версия, что один из них растащили на песок для

строительства. В действительности же, архивное свидетельство корыстно и последовательно принесено в жертву историческому трафарету с красивым числовым вензелем. По легенде, предводитель басков, возможный предок Павла, неукоснительно вёл соплеменников на восток, подстрекая их открытым ему свыше знанием того, что синонимичные «рай» и «прародина» имеют конкретную локацию на востоке. Там, где живёт солнце. (Уважительная причина, чтобы прервать вековую самоизоляцию.) Он был честным человеком и отвёл бы спутников до места назначения, да на слиянии двух рек скоропостижно оставил их без присмотра после неудачной битвы: расшибся, когда споткнулся о камень, атакуя здешнего престарелого дракона, дремавшего в пещере на склоне своего холма. Тогда-то, после недолгого обсуждения, отцы семейств согласились на компромиссный полурай и принялись разгружать обоз. В летописи отражено, что баски называли своё поселение *Ona Ibaí*, что в переводе означает – добрая река. Первым упоминанием Буэнос-Вяземска в летописях мы обязаны генерал-губернатору, не отличавшему баскских переселенцев от испанцев и известному обилием благих намерений. В одной из летописей засвидетельствовано, что этот великодушный человек обнаружил *Ona Ibaí* на охоте, преследуя единорога, кои водились в тутошних краях в изобилии наряду с драконами. (В отдалённых чащобах до сих пор можно повстречать мелких единорогов крылатого подвида. Что касается охотничьего трофея генерал-губернатора, то чучело того самого единорога долгое время занимало центральный холл Буэнос-Вяземского краеведческого музея, подвергнувшегося разграблению и горевшему в год Танцевальной Смуты, названной так из-за привычки штурмовиков сопровождать свои злодеяния вальсами да мазурками.) Именно этого человека, расположившегося хорошо перекусить под большим вязом, ошибочно и считают основателем города. С началом Первой Русско-Испанской войны по императорскому указу Буэнос-Вяземск был переименован в Нижний Вяземск.

Согласно принятому городскими властями закону, каждому новорождённому имплантируют баскский геном, что автоматически уравнивает его в привилегиях с потомками основателей *Ona Ibaí*. Именно так... Вероятно, именно поэтому в жилах Фомина текла кровь басков. Вероятно, следовало бы выждать несколько абзацев, а ещё лучше – страниц, и только потом уточнить, что это происходило не во всех родильных домах Нижнего Вяземска, а только в тех, где рождались сторонники конспирологических теорий. Не утерпел... Хотя, с другой стороны, откуда ещё может взяться исконное стремление многих нижевяземцев воевать с Испанией за независимость?

Но, вернёмся к виду на площадь с крыши.

Пришли сюда люди и решили: здесь – хочуй! Они срывали с земли одежду деревьев и кустарников, пока она не стала выглядеть розовеющей без травы кожей. Гладили обнажённую почву, равняли, стремились угадать и угодить. И получали удовлетворение по мере того, как почва поддавалась, расставаясь с мышечными спазмами потревоженных валунов. Площадь внизу, как и тела наверху, была изначально свободна от купеческого «моё». Потом, по её готовому боку стала волной нарастать колоннада просторного дворца, резиденция императорского наместника, чьи парадные двери распахнулись для избранных. Голуби, гуляющие по крыше, вельможи на площади, кареты, автомобили – все становились действующими лицами этого дня. С другой стороны площади длинный свадебный лимузин с обязательными продолговатыми каплями наполненных гелием шаров, съезжая с площади, проникал в каньон тёмной до невидимости улицы, начинавшейся двумя неожиданно красно-коричневыми трёхэтажными домами, тогда как общая цветовая гамма площади задавалась солнцем и жёлто-белой краской. Следом за лимузином, не снижая темпа, въезжает за порог светового контраста трамвай. Неизбежная сила, массивная тяжесть прижимает его к рельсам. Звук трамвая внутри улицы-каньона так сжат, что долго носится по крыше, сливаясь с настороженным затишьем голубей и дыханием двух людей. Этот звук не может исчезнуть, но он может перестать быть слышимым. Тогда и прохожие, и машины начинают замедляться и вконец останавливаются под отдыхаю-

щим от движения солнцем. Над крышами красно-коричневых близнецов пузырьками поднимаются то ли потерянные, то ли отпущенные, то ли освобождённые шарики. Рита увидела их первой и указала кивком. Лёгкий ветер относил их, но ещё какое-то время после их фактического исчезновения чулось радужное послевкусие. Постепенно площадное скопище из муравьиных фигурок людей и жукообразных панцирей машин редело, ссылаясь на вечер, на конец дня и на близкий закат солнца. Площадь расслаблялась и отдыхала, как и два человека над ней, как и крыша исторического дома, дома с историями. Удовлетворение, исполненное предназначенье: быть местом соединения людей – под присмотром государева ока, птиц, и аэропланов. (Площадные видеокамеры ожидают места в списке.) В тот момент над прикрытыми пледом Павлом и Ритой птиц уже не было, зато где-то с краю начинал одобрительно ухмыляться подсвеченный тоненький лунный смайлик. Сравнение с серпом напрашивается, но оставим это сравнение первым строителям площади: по крайней мере, они видели серп не на картинке, а держали в ладонях, да и с лунным циклом были связаны теснее.

Кстати. В середине площади – памятник генерал-губернатору, самозваному основателю города. Как водится, с мечом, обязательным атрибутом основателя. Удивительно, ведь существовали скульптурные проекты, предлагавшие снабдить памятник строительной киркой и лопатой. Хотя, как по Павлу, самой подходящей доминантой площади должны быть «Амур и Психея» Родена. Или что-то такое...

Символы...

Для парочки символом было заднее сиденье терпеливого автомобиля. Как-то зимой они подъехали к узенькому тротуару в том месте, где «добрая река» не добралась до туристических красот, запротоколированных каменной набережной. Где город сменялся пригородом и уплощался по-деревенски одноэтажными домами. Между машиной и бугристым речным льдом метрах в тридцати, на пологом спуске к воде – пустырь, летнее пристанище любителей совместить приготовление шашлыка и объятия с матушкой-природой. А чтобы потискаться с ней, чтобы соприкосновение было теснее, повышали его градус. Пиво или водка. Впрочем, местом также не брезговали ценители коньяка и самогона. Сейчас тротуар, около которого припарковалась машина, был принижен в статусе до протоптанной в глубоком снегу тропинки под одну пару ног. Как раз продолжал идти обильный снег, и, пока искатели целовались, запотевшие стёкла оказались наглухо залеплены; лучшего и не придумать.

Запойное место. Иначе как объяснить, что после первого возлияния они продолжили шептаться на заднем сиденье. Так, в театральном кафе во время антракта люди коротают время в ожидании звонка, зовущего на второй акт. Когда он прозвенел, пригласил, Рита, которая сохранила почти всю одежду кроме трусиков, устроилась на Пашиных коленях. Впрочем, одежда была мягкой и свободной. И расстёгнутая юбка, и просторный жакет удобно позволяли его рукам поглаживать спину, попеременно останавливать и отпускать груди, гладить бёдра, бока. Потом опять: щёки, спина, грудь, бока, бёдра... Машина, залепленная снегом, закономерно раскачивалась в естественном ритме, когда слышались голоса.

Приближаясь, голоса становились громче. Желая избежать внимания к автомобилю, парочка замерла. А голоса, мужской и женский, остановились именно у машины с тихо работающим двигателем, находя в ней опору, поддержку – за неимением иной. Так растерянные, заблудившиеся путники пытаются обратиться за иллюзорной защитой к единственному по всей равнине дереву или валуну. Голоса ссорились. Можно выразиться и так, что «проясняли отношения, перебивая и перекрикивая друг друга», суть та же.

– Слушай, я в который раз тебе объясняю, что это всё ни к чему.

– Да нет, ты меня не слышишь...

– Нет, это ты меня не слышишь. Ты муж или кто!?

– Да я пытаюсь тебе объяснить, что ты ошибаешься...

– Нет, ты просто не понимаешь!..

– Я же тебе все годы нашего брака говорю, что ты всё слишком близко принимаешь к сердцу.

– У меня хоть сердце есть, твоя проблема как раз в отсутствии чувств!

– А твоя проблема в —

Как долго длился этот глубокомысленный и безотлагательный диалог – неизвестно. Парочка гурманов-слушателей замерла в молчании, сомлевая, томясь меж створок пульсирующего наслаждения. Как только голоса достоверно удалились, Паша вымолвил: «Уф, как здорово – не быть мужем и женой». Рита легонечко пригладилась щекой по его щеке, и они растворились... Если представлять их не внутри нежно-снежного автомобильного футляра, а в пылу открытой солнечной мощи, то также следует вообразить плоскую до горизонта пустыню, а в ней, в стороне от редких кактусов, наполненную каменную чашу только что остановленного фонтана, куда скатились два прозрачных стеклянных шара. Невидимы. Пока безразличное солнце занято поглощением воды из чаши...

...Как-то они договорились провести вечер в филармонии на концерте симфонического оркестра. Точное «водяное» название оркестра утеряно: то ли «Средиземноморский...», то ли «Балтийский...»; мог он быть обязан названием и океану. Расшалившееся воображение побуждает аплодировать стоя: «Большой Североледовитоокеанский симфонический оркестр». «Вертуганский речной» – тоже ничего.

Получилось так, что машина Павла застряла в автосервисе дольше, чем ему обещали. Он встретил Риту около офисного здания её компании. По расчётам вышло, что сесть в прямой маршрутный микроавтобус оказалось проще и быстрее, чем вызывать и дожидаться не всегда расторопное такси. Не мучаясь дилеммой комфорта и снобизма, они спокойно уселись рядом, в середине салона маршрутки.

Впереди, на сиденье сразу за водителем сидели мама с дочкой. Мама – молоденькая востроносая особа с вызывающей ненатуральностью рыже-красных и мелко завитых волос. Девочке было лет шесть или семь; вряд ли она была крашенной как её мама, но обладала примечательной рыжей косой – большая редкость для две тысячи четвёртого года. Ребёнок определённо находился в стадии истерической агонии, ибо уже закончились слёзы, необходимые для смазки голоса, который в автономном ритме, с неутомимой убедительностью требовал, доказывал необходимость купить страдалице куклу Барби.

– У Ви-и-ки есть Ба-арби, а у меня н-е-е-ет... Купи-и мне Ба-арби...

Последовала безрезультативная пауза, мама молчала.

Тогда гибкая умом девочка решила сменить тактику. (В развлекательных психологических играх про обратную связь участники любят называть качества, и такая мишура, как «гибкость» – один из распространённых комплиментов.)

Маршрутка уже набрала скорость. (Тьма. Солнце заволокло пеплом. Источник пепла неизвестен, но это точно не к добру!) Детский голосок, тонюсенький и, казалось бы, негромкий, легко, без малейших подпружиненных усилий, перепрыгнул дорожный шум:

– Купи мне Барби, а то расскажу папе, как ты у дяди Серёжи письку трогала!

...Нога водителя среагировала чрезмерностью на неординарную ситуацию, потому что торможение и звук его были такими, какими киношники предваряют кадры с гнутыми и рваными металлическими инсталляциями. (Впечатление в гомеопатических дозировках неподвижного зрительского места.) Дама с ребёнком катапультировались так скоро, как скоро водитель оказался в состоянии открыть дверь. Правда сначала он общедоступным способом, в лад, воспользовался полезным и коротким общенародным выражением. Один из пассажиров, мужчина, который несколькими секундами ранее сидел с тортом и букетом цветов на коленях, теперь буравил запёкшимся взглядом сплюснутую полупрозрачную коробку, неудачно смягчившую его столкновение со спинкой переднего сиденья. Он невероятно скоро осознал факт утраты, отвёл глаза от созерцания кондитерских руин и оказался единственным, кто успел

направить развёрнутый текст вдогонку изогнувшейся в дверном проёме спине: «Дура, лучше б ты ей Барби купила!».

Одновременный хохот десятка человек: сопричастность, братство, сестринство, кровные узы членов тайной ложи. Пожалуй, большего таинства единения можно изредка ожидать только в пении а капелла, в прекрасном многоголосии.

– Паша, у тебя ссадина, – Рита прикоснулась и погладила лоб, которым тот ударился о поручень.

– Очень малая плата за дивную увертюру.

В филармонии они несколько раз вспоминали бессмертные слова экс-обладателя торта: заговорщицки улыбались и беззвучно или шёпотом исполняли «лучше б ты ей Барби купила». Как бы простительная реакция.

А ведь всё не так, как кажется!

Дело в том, что вышеупомянутый торт с надписью «Предлагаю руку и сердце» был изготовлен на заказ и предназначался для весьма мелодраматической особы, проживающей по адресу «переулок безальтернативной любви, дом с крутой лестницей и высоким порогом». Надпись на торте должна была стать предисловием к «я согласна», свадебному платью, лимузину и медовой неделе в Париже. Вместо роскошного торта роковой особе женского пола достались жалкие эзоповы оправдания претендента на руку и сердце. Неосторожное объяснение, для убедительности детальное, было названо оскорбительно пошлым и эмоционально отвергнуто вместе с предложением. Вследствие чего, поникший экс-претендент спустился с лестницы и поехал вместо Парижа на Пхукет, где 26 декабря 2004 года в числе многих пропал без вести на берегу в результате катастрофического цунами в Индийском океане.

Несколько недель с того дня размазались в заурядных делах, как бак бензина в автомобильных пробках, когда до Павла дошло, что встречи прекратились. Именно прекратились, яснее не сказать. Дело в том, что как-то само собой у них с Ритой сложилось обыкновение не договариваться на будущее. Телефонный звонок – иногда от него, иногда от неё – и непридуманная договорённость о встрече.

Не было ни обид, ни разговора или объяснений. Просто не было звонка, и никто не стал узнавать, почему.

Тогдапочему?

С таким вопросом всегда и без исключений стоит обходиться деликатно. Когда он слышится где-то рядом, то из мягкого кресла с протёртыми клеёнчатыми подлокотниками (дешёвая имитация кожи) приветственно машет рукой грузная фигура психоаналитика Баюнова-Сандальского, в своём лёгком пиджачке с кожаными накладками на локтях (привет от бухгалтерских нарукавников древности). Две дополнительные накладки на картину: стянутая в пучок грива седеющих волос, частая среди шоуменов и музыкантов, и большая бородавка сразу под левым глазом – помеха при стрельбе. Великий писатель выразил на бумаге лютую ненависть к нравственному скудоумию психоанализа: «Пусть верят легковёрные и пошляки, что все скорби лечатся ежедневным прикладыванием древнегреческих мифов к детородным органам». (В Петропавловске-Камчатском многие современники выражаются прямолинейней: «фольклор пошёл на фарш». Зато там проживает один психоаналитик, не состоящий в родстве с Баюновым-Сандальским испособный различать гнев Юпитера и грозу.) Прилагательное «великий» аплодирует слуху писателя, чувствительному к абракадабре бухгалтера с бородавкой, когда тот адресуется к посетителю: «Следует осознавать границы... Ваша защита в виде проекции... Соппротивление, охраняющее эго...». Нагромождение скомпрометированных слов, корыстно прикрытых ритуальным договором, не оставляет пространства для живой, не маринованной мысли собеседника, которой самой своей природой предназначено свободно порхать между сотрудничеством и оппозицией. Писатель-художник ненавидит насильника, который врывается в мир, трепетно создаваемый поколениями людей: в хрупкий оазис посреди

недружелюбных песков. Мир, который они творили в одиночестве и на ощупь, но в унисон предшественникам и чему-то неведомому. Сидел бы Баюнов-Сандальский у себя в кабинете с надёжным замком, подобно проктологу, и морочил бы голову тем, кто сам вступил в его паразитирующую на мифах паутину, «блистающую на солнце» псевдопоэзии. Так нет, мало ему! Ведёт себя как варвар, вторгшийся в оазис, тотально претендует на должность его главного историка, главного архитектора и главного спелеолога-проктолога. Он хочет убедить, что ему доступен весь замысел. А когда предпринятая по его указке доверчивая перепланировка губит оазис, он не пускает себе пулю в голову, не сыпает её скрипящим под ногами песком и даже не говорит: «Ой, в этот раз не получилось. Извините». Вместо этого звучит якобы замаскированный упрёк: «Время закончилось. Придётся встретиться в следующий раз».

Итак, с оглядкой и осторожностью: так почему же встречи Паши и Риты прекратились?

Если бы этот вопрос не занимал Павла Николаевича Фомина, то это был бы не он, а какой-то его полный тёзка, однофамилец. Склонность размышлять об истоках и векторах, о «почему» и «зачем» не досталась Фомину просто, от рождения. Что-либодостаётся ребёнку «просто так», если родители невзначай, непреднамеренно, думая о своём, показывают привлекательность, результативность какого-то поведения, а ребёнку только-то и остаётся, что скопировать его. И всё потому, что детёныш так сконструирован, устроен – впитывать в себя всё впрок. Отсутствие в памяти у Павла сведений о склонности его родителей понимать природу своих стремлений и переживаний не означает отсутствие у них такого желания. Но то, что принято называть рефлексией, не наблюдалось в разговорах отца и матери между собой или с его старшей сестрой. Скорей наоборот, тихонько проигрывался рефрен «не стоит усложнять».

Фомин никогда не думал о себе, как о «психоаналитике», и вовсе не по формальной причине отсутствия специального обучения, подтверждённого сертификатом; для украшения стен кабинетов красивую бумагу о квалификации отдельные коллеги легко сочиняли сами. Впадая в грех беспристрастной объективности, Павел Николаевич на лекции студентам уверенно упоминал о смысловой пропасти, отделяющей фундаментальные попытки создания всеобъемлющей теории человекоустройства от конкурентной борьбы за монопольное право вещать пророчества о будущем людей, хищнически паря над ними. – «Запах хищных птиц не поощряет к долговому соседству с ними». – Или, вот ещё: – «Люди, стремящиеся к большей осмысленности, не являются коленопреклонёнными просителями у прагматичных египетских жрецов бога Ра или носителей тайного знания о Матрице Мироздания, как бы ни презентовали те свою исключительность и превосходство». (Двойственные чувства: некоторым студентам нравилось участвовать в подобных измышлениях на тему социальной полуистины.)

Итак, по своей невесте откуда взявшейся склонности, Павел, озадаченный прекращением встреч, раздумывал о привычке доверчиво привязываться – по-детски удобной, но унылой, об их обоюдном страхе сближения – последствии истошающего опыта их предыдущих браков. Но разве брачное продолжение подразумевалось кем-либо из них двоих? Нет, такого ощущения не было...

Тогда что же – недоверие? Вдруг партнёр «приберёт к рукам независимость»? О чём это слово? Это тогда, когда иметь ежевечернюю крышу над головой и не иссохнуть от голода не зависит от другого человека? Такое понятней, но фантастично.

Затруднительно представить бытовую совместимость (а это ещё что?) столь разных людей. Они жили в противоположных частях города. Разные берега реки, Паша – восток города, а Рита – запад. Она всего пару лет назад переехала с дочерьми в новую квартиру, только выплатила кредит, обустроилась всем необходимым, тщательно и с удовольствием подбирая многочисленные детали собственного дома. Складки штор с лёгкой серебристой нитью неожиданно находили мягкий отклик в приглушённо-серебристой матовости дверей. И много-много чего ещё.

А не воспользоваться ли терминологией сведущих во всём людей, которые легко отличают собственную мудрость от мудрствования других – «не сошлись характерами»? Практичность, «материальность» Маргариты и вьедливый «книголюбивый» склад Павла не захотели уживаться друг с другом? Идея имеет сырой вкус поспешно приготовленной рыбы, которую, к тому же, забыли посолить: лучше бы «ведающим всё» людям пришло на ум что-нибудь поинтересней. Настоящей загадкой для Павла было несомненное Ритино представление, что ей должны, а она имеет право. Что, если эта загадка и была основой его притяжения, её магнетизма? Шаблон из детских сказок о распространённости подобного среди наследных принцесс, в современном пересказе – среди мажоров. Но в её детство накрепко впечатано воспоминание о стоянии в морозной уличной очереди людей, объединённых ожиданием выброски-десанта дешёвых кур, «фиолетовых, как лампочки новогодней гирлянды». Там же – помощь по хозяйству в семье, где не чувствуют себя в бедности только благодаря сравнению с соседской нуждой.

Рита могла прийти на день рожденья к подружке без подарка, извинившись, что не успела. Она верила, что её присутствие и есть настоящий подарок. Верила «естественно», «органично» – какие слова ни подбери, всё без обмана. Вера как инфекция. Защититься от заражения могли только отдельные мизантропы. Примечательно, что обмен оказывался сбалансированным: Рита никак не стремилась затмить хозяйку: ни рассказами, намекающими на свои достоинства или достижения, ни просто ярким разговором, ни зажигающим обаянием. Ощущение, что от неё ничего не убудет и на втором плане, отливало в слова благодарности подружке; слова насыщали ту благодаря искренности, а не количеству. Любой из гостей, кто чувствителен к манере людей манипулировать, использовать других в своих интересах, не мог упрекнуть Риту в корысти. Что не помешало ей при прощании взять предложенный растроганной подругой янтарный браслетик.

Рита была практична. (До безобразия. Либо, если захотите, в хорошем смысле слова.) Как-то купила на распродаже трёхтомник избранных произведений – романы, поэмы – входящего в моду несколько лет кряду Вадима Вертовецкого. «Над главою нависла глава, – ты у сердца такая одна, -тра-та-та, тра-тата, трата-та...». Она подарила трём разным людям по тому. Двум своим коллегам, которые мало общались между собой, она сказала, что дарит намеренно только второй (третий) том с тем, чтобы они могли растянуть удовольствие знакомства с «умопомрачительным» писателем. Третий, для которого один из предыдущих был другом, а другой приятелем, услышал, что именно ему выпадает удобный случай «познакомить ближе двух замечательных людей». Фомин не читал Вертовецкого, но с непосредственностью ребёнка верил, что невероятное случается; допускал идею создания Вертовецким бессмертного шедевра: презумпция гениальности. О себе он знал определённо: если бы творчество автора отозвалось восхищением, то, с нарицательной прямоотой полковника кавалерии, он купил бы по любой цене трёхтомник и подарил его другу без всяких затей.

Разве приведённый пример не усиливает версию о разнице в характерах как причине расставания? Подумаешь, эка невидаль, разница в характерах! Традиционная, но никудышная маскировка. Фомин готов поклясться, что подобные различия его никак не смущали: он Рите не педагог-наставник. Да и ясно понимал, что невозможно улучшить «технику перестановки пары ног», не попортив тем самым целостное движение всей сороконожки, грациозной Маргариты.

Стоило ему запустить процесс генерации гипотез о причине расставания, и они стали в очередь, не ранжируясь по нелепости. Подвернулась для рассмотрения и типовая: родители делают ставку на детей; это там, где стакан воды рифмуется с подмигивающей двусмысленностью протянутой руки. Следовательно, для этого от детей следует скрывать свою самостоятельность и благополучие. Усилиями Павла и Маргариты факт новых взаимоотношений не был официально представлен детям. Но те, конечно же, не могли не замечать, что существенная часть жизни отца (матери) заключается не только в работе. Что, если они в своей эгоистично-

сти, часто и небеспочвенно приписываемой детям, создали перед родителями выбор? (Предложенные кем-то сентенции о детях и цветах...)

Если со стороны детей такое ни исключить, ни подтвердить не имеется возможности, то относительно себя Павел счёл версию нежизнеспособной. Чтобы выбрать прошлое, а не будущее, только недавно перешагнув за отметку сорокалетия? Не чувствовал ничего подобного, ни малейшего отклика ни в себе, ни в ощущениях от Риты.

Или всё намного прозаичней? И эпитафией кответу есть возглас «о секс, ты – мир!»? Заголовок на афише протеста, временный союз двух бунтарей-одиночек. Сейчас в Нижнем Вяземске уже не встретить круглые афишные тумбы, на которые в школьные годы Павла и Маргариты вручную наклеивались разные информационные плакаты и возле которых назначались свидания. Тонконогие конструкции для рекламных постеров пришли им на смену и в таком множестве, что перестали быть ориентиром для встреч. И так, бунтари подросли и не пришли на свидание к афишной тумбе. То ли бунт себя исчерпал, то ли адресат бунта так и не ото-звался. Ведь для начала бунта достаточно и воображаемых санкций, но для его продолжения необходима реальная подпитка, энергия противостояния.

Можно допустить, что и Фомин, и Горенко – каждый из них – признали какую-то свою правду Указание того, что как начало, так и прекращение встреч есть двусторонний факт, не означает одной причины на двоих. Через два года они увидели друг друга в торговом центре: город хоть и большой, но общий. Поздоровались, улыбнулись друг-другу и – ограничились несколькими нейтральными фразами. .

Скорее всего, стремление к получению абсолютного и окончательного ответа так и останется неудовлетворённым подобно полному и окончательному установлению назначения Стоунхенджа: либо ритуального, либо астрономического.

3

Что касается Павла Фомина, то женился он на последнем курсе университета, будучи студентом психологического факультета.

Много лет спустя, для усиления одного из своих тезисов на лекции по семейной психотерапии Фомин сымпровизировал, полагая, что шутит, но лицо его было сосредоточено и серьёзно: «Законодательно надо запретить жениться и иметь детей раньше тридцати лет, а лучше – сорока». Примерно тогда же, один хирург и одновременно клиент Фомина, не знающий ничего о биографии своего психотерапевта, использовал профессиональный образ для описания своей личной жизни: «Послеоперационный рубец на моей чувствительной натуре. И спаечная болезнь». Слушая его, Павел Николаевич в лице не изменился, но про себя ухмыльнулся.

Со своей будущей женой, Екатериной Свечкиной, студенткой биологического факультета, он познакомились летом в строительном отряде, сформированном из студентов пятых курсов разных факультетов университета. В Воловачинске, средоточии областной власти, куда прилетели студенты, отряд раздробили по разным объектам; бригада из десяти человек, среди которых, по патриархальному обыкновению, была одна девушка-кашевар, целые сутки проби-ралась на север, до большого посёлка с невразумительным названием Подгорье.

Ни горы, ни холмы в посёлке не просматривались. Встретили их несколько больших луж с непромеренным фарватером и флегматичные собаки, что присматривали за двумя спотыкающимися фигурами в телогрейках и кепках. Две сотни давно не крашенных домов разного возраста одинаково навевали безнадежную мысль о безвозвратно пропущенных сроках ремонта. Местный диалект – спотыкающаяся, сочащаяся через жаберные щели гогландская пьяновязь – простонародный аналог ботанического санскрита. (Не путать с Ботническим!) Рядом, в двадцати километрах – посёлок покрупнее, трудоспособное население которого составляли рабо-

чие металлургического комбината. Наверное, там делали танки или детали ракет; в моде было убеждение, что нельзя ошибиться, сказав так наугад.⁵

Екатерина заведовала столовой, преобразуя до съедобного состояния почти безальтернативные крупы и консервы, а Павел работал на строительстве коровника. Впоследствии никак не мог вспомнить, видел ли за всё время хоть одну корову.

Заселились в клуб, приспособленный под общежитие; ребята – в комнатах по трое. Паша разместился вместе со своим однокурсником Саней Прошиным и студентом-филологом Колей, который в первую очередь увлекался тяжелой атлетикой, а уж потом – языками.

Примерно через две недели Коля, как раз по причине своего атлетизма, отправился к далёкому руководству в Воловачинске: за деньгами на закупку продуктов, на пополнение запасов гвоздей и прочего. И надо же – именно в этот вечер местная молодёжь пришла к общежитию-клубу «покалякать». Не было какой-либо объективируемой, доступной для предъявления причины для драки, да и повод пришлось поискать. Что делать, таков ритуал, без соблюдения которого туземцам могло не хватить водки, чтобы смыть с себя позор.

Сражение складывалось подобно ходу бесчисленных предыдущих баталий, описанных в устных хрониках. Если надеяться, что все студенты университета помнили сюжет «Войны и мира», то никому из них не придётся оказаться на месте Николая Ростова, «правдивого молодого человека», который рассказывал Бергу о своём участии в «героическом» Шенграбенском деле: «Ты не можешь представить, какое странное чувство бешенства испытываешь во время атаки». Толстой пишет, как раненный Николай остался один: «Где были наши, где были французы – он не знал». Николай «...схватил пистолет и вместо того, чтобы стрелять из него, бросил им в француза и побежал к кустам что было силы». (Страницы 223 и 285 до н.э.)

У входа в клуб единственная слабосильная лампочка без плафона освещала фигурки, которые сближались, ударялись друг о друга, иногда падали, затем вставали. Здесь не пригодится сравнение ни с изошрёнными македонскими фалангами, ни с Новгородским вече. (Всклоченный экскурсовод, подвижный старичок с отблескивающей на солнце зальсиной прочерчивал взмахами рук резкие линии над своей головой и рассказывал, как две толпы убеждённых в своей правоте новгородцев сталкивались на мосту в противоборстве. Победители выигрывали референдум по текущему вопросу.) Екатерина выкрикивала требования прекратить. Её голос был сжат от негодования, исходящий звук получался просящим. Более действенным оказался залп её недоумевающих вопросов в сторону атакующей стороны: «Что вы делаете? Ну что вы делаете?» Пусть довольно краткое, но зависание среди туземцев имело место быть. На её счастье, в этой местности сложился консенсус, согласно которому женщинам было отказано в роли участницы битвы.

На тактику войск сильно влияли особенности освещения: принадлежность бойцов к той или иной стороне определялась только на близком расстоянии. Подгорцы, теряющие дыхание или боеспособность от ловкого удара, могли сделать небольшое перемещение и наблюдать за происходящим из безопасной темноты. Когда дыхание и остальные боевые кондиции восстанавливались, возвращались. Студенты же темноты избегали, не зная, сколько там у неприятеля резервов. В какой-то момент получилось так, что на освещённом пяточке потрескавшегося асфальта «городских» оказалось больше. И нападавшие подгорцы удалились; однако, в сознании полной победы в пересчёте на потери: двое чужаков продолжали лежать. Один из товарищей Павла скоро пришёл в себя и самостоятельно доковылял до бетонной скамейки у двери клуба. Второй – это был Саня, невысокий и неспортивный, всю баталию находившийся в её геометрическом центре – смотрел на свою руку, иногда легонько стонал сквозь сжатые

⁵ * Санскрит – древний язык Индии, ныне мёртвый. Само слово «санскрит» означает «обработанный, совершенный», относится к индоиранской ветви индоевропейской языковой семьи. Санскрит важен для лингвистов сходством с древними языками Европы – латынью и греческим, он стал основой для развития сравнительно-исторического языкознания.

губы. Рука была как-то необычно развернута. Саня несколько раз вскрикнул, пока ему помогали пройти до той же скамьи.

Понадобилось время, чтобы отыскать кого-то из местных жителей из числа тех, что обладали исправной машиной. Уговорить оказалось несложно: возможностей подработать (за деньги ли, за водку...) у жителей посёлка было маловато и, буднично поторговавшись, от предложений они не отказывались. Саня, у которого, похоже, ещё и губа была порвана, уехал.

Приобретения Павла ограничились ушибленной ногой и заплывающим глазом. Екатерина долго не могла унять нервную дрожь и не хотела уходить в одиночество своей комнаты. Она шла рядом, выплёскивая, выплёвывая потрясение. И, продолжая говорить, зашла вместе с ним в комнату и не могла остановиться, и говорила... Павел предложил ей свободную кровать в комнате, но и лёжа Катя всё продолжала говорить. Через темноту слышались, «виднелись» слёзы.

– Паш, а Паш, – говорила она, словно такое обращение принято меж ними с незапамятных времён, и голос её дрожал, как смычок в руках скрипача, в глазах которого стоят слёзы; только публике трудно предположить, что поводом для них может служить не обязательно творческий экстаз, но, например, и обострившийся конъюнктивит. – Как это жестоко! Как это можно?

Нужно иметь особое музыкальное чувство, чтобы различать место экзальтации в единой последовательности произведения.

Мужская сущность в одном из своих измерений взяла верх: желая, стараясь её успокоить, Павел подошёл, наклонился, положил руку на плечо и легонечко погладил. А когда Катя ответила (щекой ли, ладонью ли, проведённой по руке?) и не отпустила его руку, то отчётливо проступила следующая часть мужской сути.

Как минимум найдутся три причины, по которым у молодых людей не было при себе ни презервативов известного бренда «мало ли что», ни мыслей о них. (См. «1986 год», Большая Просоветская Энциклопедия, изд-во «Самосев».) Забеременела Катя легко и сразу, что выяснилось скоро. Так, как крестьянки девятнадцатого века по представлению писателя века двадцатого: в поле, между вязанием снопов сена и приготовлением шей.

Стоит попридержать поспешное предположение, что архаичный Фомин женится подобно человеку чести из поучительных романов о дворянском быте и мужском благородстве как его атрибуте. Доказательством существования и потенциальной действенности таких учебных пособий по мужскому благородству служит дорожная история одного знакомого, бородатого учителя географии. Бородачу как-то пришлось ехать в поезде по какому-то неотложному случаю. Дело было сразу после операции и выписки из больницы с предписанием не тревожить свеженький шов на животе. При посадке в вагон, в купе, где он уже расположился, зашли две женщины и попросили уступить нижнее место. Мужчина отказать не смог. Постеснялся сказать об операции. (Придушенный призрак приглушённого диалога с мамой.) Ночью он почти не спал, подкладывая полотенце под ропот недовольного, кровоточащего шва. И до самого утра географ так и не решился спуститься вниз, к своей сумке с дорожной аптечкой.

Катя нравилась Фомину с первого дня знакомства. Тонкие открытые руки, соразмерные длинным ногам, образовывали комфортный глазу смуглый фон. Чёрные глаза с легко изогнутым разрезом деликатно намекали на томность восточной крови. Их контраст со светлыми волосами сразу обеспечил узнаваемость. Волосы не длинные, но достаточные, чтобы на пути к Подгорию трепетать на ветру, поощряя фантазии молодого человека. Потом к первому впечатлению добавилось ценное Павлом отсутствие манерности; простая речь без ярких фразеологизмов и аллегорий, без примеси развязности. Обезличенный опыт школьных лет питывал неоправданную антипатию, которую он испытывал к типу признанной краса-

вицы. И в этом измерении Екатерина достаточно отличалась от эталона красоты, выигрывая тем в его глазах.

Этапы их знакомства резко очерчены: сначала ритуальные разговоры на неоригинальные темы – дозированные и эпизодические. Затем, после битвы при Подгорском Клубе, знакомство стремительное и сладострастное. И уж далее – знакомство обстоятельное, и, как они безосновательно уверили себя, полное.

Сколько Катя себя помнила, она хорошо училась. Интересовалась всем, что ценилось в студенческой среде: театр, музеи, вечера поэзии, книги. Спортивная: плавание, лыжи, бадминтон, лёгкая атлетика... Решительная. Это прилагательное обыкновенно для характеристик, но лишь косвенно пригодно для объяснения наблюдаемого эффекта. Екатерина поразила бригадира, сорокалетнего строителя из Воловачинска, когда тот стал по властной инерции жёстко расписывать ей идеальный алгоритм кормления бригады: «Григорий Константинович, вынуждена перебить, обязана идти к плите. Вы тоже не будете возражать, если на ужин будет и съедобно, и вкусно». И, не ожидая, пока опешивший бригадир найдёт слова, ушла.

Цена характеристикам: если бы на месте Григория Константиновича оказался Константин Григорьевич, вдохновенный пропагандист домостроя, то эффект Катиных слов оказался бы неприглядным. И тогда автору характеристики без колебаний придётся, исходя из последствий, вычеркнуть из заготовленного шаблона «решительность» и вывести импульсивность да несдержанность на язык из тех же Катиных слов.

Жизнерадостная – не оглушающе, но громко. В унынии и грустине замечена вовсе. (Что должно бы заставить насторожиться: самое живое в человеке обнаруживается в часы его сомнений. Но не заставило.) Хозяйственная: умела шить, вязать и могла приготовить как сытное, так и сладкое блюдо по редкому и сложному рецепту. Поверх того – фотографировала, пела, могла и костёр развести, и палатку поставить. Достоинства множатся с числом умений. Из-за нехватки запятых – неполный список. Итого: блестящая самопрезентация плюс, как сказал просвещённый метеоролог, «эффект самозабвенного, раннецветения черёмухи, поощрённой жаркими воздушными массами из Африки».

Правильная старательная девочка, тщательно усвоившая урок: «ученье – свет...». Всему она училась старательно. Как будничная отличница: без благословенной лёгкости урождённого вундеркинда, но и без заразительно удручающих потуг тех, кто добивается высоких отметок растущими по экспоненте часами аккуратного исполнения учительских заданий. Такой же старательной ученицей-отличницей стала Катя и в «путешествии в страну телесного», как она выразилась. Путешествие-обучение, которое начинало нулевого столба, девственницей. Во избежание излишнего риска и нежелательных приключений она следовала рекомендованным в путеводителях туристическим маршрутам, изучала и классифицировала скрытые закоулки и внутренние дворики наслаждений, обнаруженные в локальных экспедициях.

А что Павел? К ответу следует подбираться издалека. Как к вопросу «что общего между патологоанатомом и психологом?». Ответ: и тот, и другой имеют дело с человеком. А что общего между дружбой и брачными отношениями? Ответ: и тому, и другому человек обучается.

Покажется странным поинтересоваться, где Паша научился дружить. Начало учёбы датируется посещением детского сада в четырехлетнем возрасте, а также позволением пользоваться придомовой территорией без поминутного присмотра. В школе, говоря казённым языком образовательных учреждений, прошёл тематическое усовершенствование. Но такой предмет, как практическое человекопонимание не входил в программу не только школьную, но и факультета психологии. Мог ли он научиться понимать человека у своих родителей? Да что это за способность такая – понимать человека?! Любить Катюшу, придумывать её, делать ей предложение – да, к этому способен.

Что Фомин знал, что мог знать о браке? Не дождался, пока министерство образования одобрит руководство по брачным отношениям: выжимка и выпарка из стерилизованного гибрида «Анны Карениной» и «Что такое хорошо и что такое плохо». (Подготовлено авторским коллективом весталок Воловачинского областного педагогического университета.)

В средневековом трактате барона фон Бредгаузена о движении к браку есть много поэтических вольностей. Отвергнув сетования и сожаления как недостойные подлинного учёного, он наблюдает, что некоторые пары дрейфуют в сторону брака на льдинах, подневольных ветрам и течениям. Других, привязанных к стременам, в сладострастии мчат туда же обезумевшие лошади. Да-да – лошади, а не секс! Который есть слово заимствованное, пришедшее в повседневную русскую речь. Фон Бредгаузена значительно проще оправдать за тот факт, что он не заглядывал в современный толковый словарь русского языка. Означает ли заимствованное слово что-то между соитием и постельными утехами? А как насчёт полового акта? Кто во что горазд... В нашем случае Фомина и Свечкину соединил и не секс, и отнюдь не служащая бюро записей актов гражданского состояния. По выражению барона, им «покровительствовал певучий Гименей». Это он, потирая руки и скрепляя доверие печатью, нашёптывал, побуждал повторять: «Я хочу от тебя детей. Знаю, ты защитишь нас, наш очаг. Сохранишь наш очаг. Очаг. Наш». Животно-доисторическое доверие Катюши востребовало, всколыхнуло (точнее, взбултыхнуло) Пашину силу и придало ей форму: оберегать. *недавно*

Для Екатерины мир Павла – мир неожиданный, внезапный. Так, пеший путник в окружении примелькавшихся, похожих друг на друга холмов и круч долго, шаг за шагом, идёт по узкой пологой тропке, вьющейся среди каменистых склонов. И вот он ускоряет шаг, уже надеясь на близкую встречу с короной из заснеженных пиков, обещанную географической картой всем добросовестным посетителям. Очередной шаг на очередном, непримечательном, повороте тропы – и... Взгляд, давно привыкший прощупывать, приглядывать предстоящее место под ногой, остаётся один на один с недоступной разумению огромностью горной панорамы вместе с застывшим над ней единственным облаком, величину которого не с чем соотнести. Недоступно ожиданию.

После стройотряда, в конце августа, Катя поехала на пару недель к подруге, живущей в Расторопчине-на-Ахмуре. Долгожданные письма, полные ссылок, понятных только двум влюблённым, оборачивались за три дня, а иногда и за два. Междугородние звонки из чрева душных кабинок, рафинированные телефонией счастливые голоса и единение коротких пауз. Отменный набор симптомов любовного воспаления. Насколько Паша скучал, настолько была велика радость встречи на вокзале. Если её измерять, то или количеством гелия, отправляющего дирижабль в «небесную высь», или эталоном радости, пережитой им тоже на вокзале: при отправлении поезда, увозящего прочь от режущее-постылых мест пребывания «на действительной военной службе». (Мысль об измерении всего сущего – вторая по частоте среди землян, делящих планету вместе с имхоньянами в две тысячи шестьдесят третьем году.)⁶

Родители – и Павла, и Екатерины – оказались застигнуты врасплох: два с половиной месяца назад, перед отъездом в стройотряд, все существенные, по их оценке, планы детей являли стадию кокона и откладывали своё вылупление до защиты университетского диплома. И тут – сразу такое событие! Катя была единственным ребёнком у своих хлопотливых родителей, хотя её проживание в общежитии делало своё дело приучения их к дистанции. А Женя, сестра Павла, старше его на девять лет, успела замариновать пессимизм в прогнозах об изменении своего семейного статуса. Внезапность того, что считалось естественным и даже желанным

⁶ * ИМХО – это русифицированная версия аббревиатуры ИМНО: «In My Humble Opinion», что в переводе значит «по моему скромному мнению». Таким образом человек демонстрирует, что его высказывание – не истина в последней инстанции, а субъективное мнение. Своего рода «оберег» от дальнейших споров и критики сказанного. Правда, на практике, такое мнение трудно назвать скромным. Скорее оно указывает на твёрдую убеждённость в сказанном. Другими словами, «есть два мнения: моё и неправильное».

теоретически, имела единственным последствием задетую и перевёрнутую чашку с чаем, которой не повезло (нечего жаловаться: сама виновата) стоять перед Зинаидой Емельяновной в миг оглашения указа о переустройстве Солнечной системы. Пока осколки сметаются в совок, все «но» успевают аккуратно накрыться мудрой благожелательностью, как собирающийся разгореться огонь – плотным покрывалом.

Приближение к свадьбе «как у всех»: знакомство с родителями избранницы (избранника), покупка обручальных колец, застолье в банкетном зале с многократным «горько! горько! горько!». Родители Кати приехали из небольшого городка, расположенного в шестидесяти девяти километрах пути на электричке. Название города – Ново-Фоминск – дополнительный источник шуток захмелевших гостей.

Фомин-старший вручил молодой семье ключи от квартиры своего покойного отца. Считая себя обязанным придать моменту торжественность, Николай Степанович встал и, левой рукой опираясь о стол, начал держать речь так же, как держать в правой руке рюмку с водкой:

– Не все присутствующие знают, что в середине войны мы с моим отцом потерялись. В сорок первом я учился в институте связи в Москве, оттуда и был призван. Мама погибла в оккупации, не смогла эвакуироваться из Одессы, а отец всю войну командовал сооружением мостов и переправ для войск. После победы он был направлен в Нижний Вяземск руководить индустриальной стройкой, да так и обосновался здесь. Почта не осилила частую смену адресов. Я узнал адрес отца случайно, от горбатого старичка-почтальона в Одессе, куда приехал после демобилизации встретиться с другом...

Тут Николай Степанович прихватил рюмку обеими руками.

– Стены квартиры, в которой будет жить молодая семья – и не только вдвоём – стены помнят много... Там много связано с моим отцом... – Николай Степанович подыскивал слова. – Я становлюсь сентиментальным, хотя это простительно, когда сын женится, но я очень рад, что воспоминания о моём папе соединятся с деревьями, которые растут под окном теперь вашей квартиры... Две липы посажены твоим дедом, ты знаешь... – Он выдал, кто был его главным слушателем!

Далее Николай Степанович повёл себя как трафаретный технарь и «опустил затвор дамбы»: замешкался и, прерывая краткую неловкость, предложил невпопад тост за здоровье молодых.

Павел хорошо помнил дедушку Стёпу, прогулки с ним в парке, посещение цирка... Умер тот прежде, чем любопытство Паши стало осмысленным. Поэтому истории из жизни, истории про жизнь дедушки, знал, увы, не от негосамого. О чём сожалел.

Когда будущие дед и отец Павла «нашлись», Степан Теобальдович заметил энтузиазм сына относительно новых технических идей. И пригласил, увлёт предложением очень интересной для того работы. В городе тогда создавалось крупнейшее производственное объединение по разработке и производству радиоэлектроники. Как директор большой строительной организации Степан Теобальдович имел немалое влияние и явился вполне эффективным посредником между интересом сына и потребностью в квалифицированных спецах. Так Фомины сначала осели в Нижнем Вяземске, а затем и ассимилировались с местными басками: Николай Степанович женился, родилась Женя. Паша родился незаметно: наречие относится к жизни членов семьи, распределённой между многочисленными перипетиями времён года и жизни города.

После смерти четвёртой жены Степана Теобальдовича

квартира несколько лет сдавалась в аренду, пополняя скромный, дисциплинирующий бюджет всей протосемьи, где двое из четырёх человек работали, как тогда говорили, «за одну зарплату». Ассоциативные линии этого выражения образуют неповторимый рисунок треснувшего зеркала, доступный только выжившим экспатриантам из СССР. Трещина отправляет к цитате Брежнева. В документальном фильме о себе, в интервью, тот самый Брежнев рас-

сказывал, как в студенческие годы он с друзьями подрабатывал, загружая железнодорожные вагоны: «Девять мешков на погрузку, а один себе, в сторонку. И на жизнь хватало». ⁷

...Отложив обустройство в своей квартире, Паша с Катей на другой день после ресторана, как положено, как все, отправились всвадебное путешествие. Ничего такого пренебрежительно-высокомерного в этом «как все»: если все используют ботинки, находя это более удобным, чем ходить босиком, то почему бы не последовать удачному примеру? Но умеют же люди полезный механизм подражания изошрённо утрировать до извращения! (Об этом позже.)

Выбор новобрачных сошёлся на Пушкинских Горах. Святогорский монастырь, Михайловское, Трегорское, Петровское – благословенно звучали музыкой нерукотворных источников, освящённых консенсусом пушкинистов.

По лирическим впечатлениям этой поездки чиркнуло одно, отзывающееся диссонансом камушка, затерявшегося в рисовой крупе и попавшего на зуб.

Многообещающие краски ранней осени и тёплое безветрие. Взявшись за рукумолодые люди неспешно идут по парку заповедника... Приобщённые, размягчённые... Вдруг, расчёт времени коварно указывает, что следует поторопиться: касса музея-усадьбы Пушкина могла закрыться. Они были едины в том, что хочется успеть, но разошлись во мнениях о том, по какой из дорожек идти, считая цену ошибки слишком высокой с точки зрения желаемого результата. ,

Полыхнула Катина решительность, непоколебимая непогрешимость морской волны, отхватывающей от берега шмат за шматом. Вода и Огонь! Она сделала сильный ход: пошла одна вперёд по правильной (?) дорожке.

Правая дорожка, левая – выглядит смешно – какая разница? Ну, опоздали бы, подумаешь... Павел был в бешенстве, в собственной ловушке: он не мог бросить Катю, хотя протест требовал не идти вслед и, если не вернуться в гостиницу, то просто остаться на месте. Ну что могло случиться с ней в дневном парке заповедника? Но, как беременную жену? Он нашёл повод уступить, уговорил себя оправданием, засаленным от многократного использования подобно бывалой колоде игральных карт: «любящий да уступит». Мол, из любви. А впрочем, так это и было. *бросить*

Они чуть не поссорились. Хотя, что такое это «чуть»? Менее десяти минут молчания пока они вышли на кассу – чем не первая ссора в семейной хронике!

В будущем, которое совершенно не различимо отсюда, из заповедного парка, Екатерина не единожды отбрасывала маску переговорной либеральности. Таково её правильное правило для случаев, когда достижение ближнего, осязаемого результата она считала важным. Мысль о стратегических целях, об их отличии от тактических задач чисто умозрительно ею не отвергалась. Но на практике, повернутой спиной к академической зауми, путь к искомому для неё лежал через поочерёдное решение конкретных задач. Они шли списком, одинаково, через запятую.

Определённо, ответственная Катя воспринимала и эту, и последующие уступки Паши как неуверенность и, заботясь о нём, заботясь обо всей своей семье, укреплялась в непогрешимости. Не скоро – через тринадцать лет – Павел признает, что, не пытаясь противодействовать всходам ранящего, обжигающего борщевика в своём огороде, он сам явился соучастником его вызревания. (На Катином языке «борщевик» – метафора воплощения зла, вопреки принятой на её биологическом факультете эволюционной толерантности.) .

⁷ * Повсеместно распространённую в СССР шутку о том, что Брежнев – политический деятель эпохи Пугачёвой, необходимо дополнить малоизвестной информацией. На трон она вступила после смерти Пугачёва, одного из своих супругов – то ли царя, то ли криминального сенатора, сбегавшего во Францию на поезде с миллиардом в золотых слитках. Существует версия, что Пугачёв – подлинная фамилия графа Монте-Кристо, агента спецслужб Гибралтара. Есть также основания подозревать, что он был двойным агентом, работал на Христорошию.

Этот неприятный эпизод свадебного путешествия был выгодно забыт. Так молодой организм не имеет нужды помнить неразлучные со сморканием немощные дни, вычеркнутые из календаря жаром, слезящимися глазами и неприкаянной от тяжести головой.

Катя успела сдать все экзамены. Неполнота ответов компенсировалась округлостью вызывающего о снисхождении живота. Диплом она защитила тоже по упрощённой схеме, но уже между двумя кормлениями грудью.

...Как-то в двадцатом веке отделение солдат под присмотром прапорщика Сидорчука отправили рыть траншею под кабель. Во время короткого перекура присели на толстый ствол обломленной берёзы, скатившейся с крутого склона. Разжалованный из младшего сержанта в рядовые Костя Перебийнос, не доучившийся студент-геолог, медленно затянулся сигаретой; наслаждаясь лежачим свободой, он протяжно, с мечтательной интонацией, пригодной украсить воспоминание о первом поцелуе, изрёк: «Да... А ведь когда-то здесь было дно моря...». Прапорщик Сидорчук, человек невредный, но принципиальный, поправил его: «Не-а! Я здесь двадцать лет служу. Да не было тут никакого моря!»...

Вот так и с одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмым годом: в нём не только отсутствие интернета и сотовой связи. Следует взять в свидетели Костю Перебийноса – в продаже не было одноразовых детских памперсов, а пол новорождённого узнавали не заранее, по результатам ультразвукового исследования, а по акту визуально-лотерейной констатации.

Кто-то из молодых родителей первым произнёс имя мальчика – Никита. Никитка, Ники-тушка... Практичные вариации, не теряющие нежность: Ник, Никиша, Никеша, Кеша. Только Ника было отвергнуто (или была отвергнута – сразу путаница): производное имени, подходящее также Николаям. По единодушному ощущению, которое отменяло потребность в каком-либо диалоге на эту тему, имя своему сыну они придумали абсолютно вместе.

Если беспристрастно пролистывать их первые семейные годы после рождения Никеша, то, в отличие от подборки трогательных снимков в фотоальбоме, можно рассмотреть и факт тягучей бережливости «до зарплаты», и ужас. Это тогда, когда на градуснике, извлечённом из подмышки Никишки, серебристая полоска ртути вплотную подобралась к тёмной чёрточке напротив «40». И всё же, будущее, в блёстках мерцающего счастья, послушно бросало на Пашу и Катю вдохновляющий радужный отсвет. Несложно угадать, что бессловесное будущее грезились супругам наподобие породистого скакуна, которого только надо грамотно объездить. Или что-то подобное. Справедливое в отношении обоих супругов сочетание слов «дети из благополучных семей» аукается и возвращается однообразным сходством их образов будущего.

После окончания университета Павел два месяца безрезультатно пытался устроиться на работу по специальности, тогда мало предусмотренной в штатных расписаниях высокоцентрализованного государства. Да и что можно предъявить потенциальному работодателю – диплом и отсутствие стажа? Безусловно, родители помогали деньгами по-прежнему, как и во времена студенчества. Но два месяца безуспешных попыток конкретно намекали ему на неопределённую по длительности неясность, на возможное отсутствие перспективы самостоятельно обеспечить семью посредством приобретённой квалификации. На этом фоне можно утверждать, что его трудоустройство почти по специальности – психотерапевтом в ведомственную многопрофильную больницу – есть самое настоящее чудо!

Частью, преддверием чуда стала книга, снятая с полки его рукой как раз тогда.

Бывают ли книги, прочитанные не вовремя? Ответив на этот вопрос, можно решить, бывает ли спланированное чудо.

...Однажды в будущем имела место неторопливая приватная беседа в бане между Фоминым и владельцем ликёроводочного завода. По словам Павла Николаевича, о личной философии бизнесмена немало говорила ухмылка с зевотой, сродни кривлянию актёра заднего плана: ухмылка, с которой тот давал распоряжение написать миссию своей компании утром того дня. Павел Николаевич рассказывал, что поведанная история об его трудоустройстве в больницу

возымела невероятный для него самого эффект, а именно: убедила распаренного собеседника, что от книги польза всё-таки случается... (Когда я узнал об этом, то весьма удивился, подгадал удобный случай – водочный босс был моим соседом по даче – и осторожно вывел беседу с ним на впечатление Фомина от той встречи. Что-то вроде: «Павел Николаевич ссылается на вас – очень воодушевлён тем, что человек, который много лет в непростом бизнесе, понимает влияние книг на судьбы людей». И услышал в ответ: «А, помню-помню... Хороший человек, чудак, правда. Обижать его не хотел, не стал разубеждать».)

Брутально-стоический персонаж Хемингуэя в «Иметь и не иметь»: «Есть что делать и есть о чём думать, а не только сидеть и гадать, чем это кончится... Раз уж ты ввязался в игру», – таков внутренний монолог Гарри Моргана, который совсем недавно потерял руку и который не соглашался вписаться в череду несчастливых обстоятельств. Муж, отец трёх дочерей и капитан лодки, угнанной им из-под таможенного ареста, чтобы добыть для семьи денег. Лодки, захваченной вскоре бандитами, намеревающимися его убить. Капитан лодки, дрейфующей в море с пустыми баками, пробитыми после перестрелки и четырьмя мёртвыми бандитами на борту, пока из раны в его животе вытекает кровь. И нет у него права не доплыть до жены и дочерей! Не то место и не то время, чтобы они смогли прожить без этих денег.

Находясь под впечатлением от книги... Нет, так слишком бессодержательно! Отказав себе в праве не добиться искомого результата, Фомин отправился в кабинет главного врача ведомственной больницы. Бравирующий далёкостью от всяческих модных поползновений в медицине, рифмующий психологию с болтологией, практикующий хирург, а заодно щепетильный и справедливый человек – Владимир Георгиевич Мишуков. Большой, грузный и усталый после недавно проведённой полостной операции. Разговор не был долгим, минут десять, или меньше. Когда за молодым парнем закрылась дверь, Владимир Георгиевич недоумевал. Удивлялся и никак не мог объяснить себе, почему согласился. А через несколько месяцев Мишуков заметил отсутствие на утреннем совещании психотерапевта, ставшего привычной фигурой в больнице. И внутри похвалил себя за управленческую чуйку и нестандартное решение. *своего*

В ту пору у Павла получалось непротиворечиво соединять своё образование с так называемым житейским опытом. (А вот и напрасно потерянные, по его непримиримому убеждению, два года за армейским забором! Попытка соединения опыта и логики подобна кряхтенью стульев под музыкантами в оркестровой яме.) Он не просто пересказывал Кате истории своих безымянных клиентов, но и насыщал их судьбы своими соображениями разных уровней. Эти комментарии с множеством ветвлений не хуже «Тысячи и одной ночи» наполняли, составляли сочный, объёмный мир. Мир комментатора. Катя шла, входила в этот открытый и открываемый мир, с интересом раскрашивала его, додумывала от себя. *за мужем*

А Павлу нравилось быть мужем и отцом. Распространённый феномен: нравится то, что получается. Проверялось это многократно. Его контакты в медицине оказались очень кстати после первого визита участкового педиатра. Молоденькая, широколицая, с наичернейшими прямыми волосами эвенкийка провела в доме час, рассказывая если не всю свою биографию, то её половину. Интересовалась и восторгалась книгами на полках, картиной. (Карпатское предгорье, подарок художника.) Подойдя к Никитке, она с ошеломительной откровенностью попросила развернуть: «Знаете, он такой маленький, я боюсь...». Пришлось искать квалифицированного педиатра с рекомендацией «от своих».

Среди прочего – организация физиотерапевтических процедур для Кати, которая медленно восстанавливалась после пневмонии. Имели место и заурядные ночные походы к детской кровати, позволяющие Кате поспать побольше. Со временем в длинный неполный перечень функций трафаретного семьянина добавилось устройство подросткового Никиты в школу с хорошей репутацией. И так далее.

Ничего оригинального, ничего такого, что нельзя услышать про других мужей. Зато последовательно. Чтобы быть точным, следует указать, что «быть хорошим мужем» Павлом измерялось не в метрических единицах: килограммах, центнерах или тоннах заботы. В обсуждениях – место празднования Нового года, посещение друзей или родителей, спортивные пристрастия Ника и т. п. – ему удавалось, иногда посредством доводов, иногда терпеливой интонацией, продвигаться через плотные ежевичные заросли Катиной «решительности». Его не смущало, если иногда в результате получалось не так, как они рассчитывали; никто из супругов на этом не фиксировался. «Любились» – слово, которое они выбрали для произнесения вслух – часто, и никто не чувствовал, что слишком часто. Как и при выборе имени сына, никому не приходило в голову отслеживать, чьим взглядом или рукой отправлялось приглашение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.